

Белый Д.А.

***Нас больше
нет***

Летописи Гарии

16+

Денис Белый

Летописи Гари. Нас больше нет

«Автор»

2015

Белый Д.

Летописи Гарии. Нас больше нет / Д. Белый — «Автор», 2015

Семёну, зарабатывающему на жизнь поиском предметов старины, поступает заказ выкрасть одну старинную реликвию. Парень берётся за выполнение заказа, ещё не подозревая, что это последняя в его жизни вылазка. Жизнь другая, открывшая перед ним двери, заставит вступить в изнурительный бой с далеким прошлым. Бывший вор становится невольным свидетелем и участником битвы за империю, императором, нищим, рабом, в надежде когда-нибудь стать человеком. А может быть, эта война лишь с самим собой...

© Белый Д., 2015

© Автор, 2015

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Денис Белый

Летописи Гари. Нас больше нет

Мы ещё не знаем, что кто-то спешит сквозь тысячелетия, чтобы напомнить, что все мы – Боги...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту историю рассказал один старый знакомый, с которым мы не виделись около пятнадцати лет. Однажды встретились там, где, казалось бы, случайная встреча равна нулю. Встретились мы в середине июля у Крестовой горы, что в северной части Уральского хребта. Здесь как раз уместно утверждение – Земля круглая, за углом встретимся....

В отличие от нашей компании в пять человек, Семён путешествовал в одиночку и практически налегке, но было видно, что он нисколько не испытывал каких-либо неудобств или же был чем-то обделён в своём одиночном турне.

С той студенческой поры, когда я видел его последний раз, он остался в моей памяти, как рубаха-парень, искавший на свою пятую точку приключений буквально каждый день. Ни одна пьянка не обходилась без его активного участия. Мы ещё тогда, небольшой компанией увлекались походами по разным природным уголкам нашей Родины, а вот Семён как раз не разделял подобных увлечений. Видать люди меняются с годами...

Он был другой. Полностью другой человек, изменившийся почти до неузнаваемости как в плане физическом, так и моральном. Лишь чудом я узнал в нём заводилу и дебошира из юности. Впервые встретившись с ним взглядом, казалось, что на меня смотрели глаза старика. Его пронзительный взгляд пугал и одновременно притягивал какой-то тайной, скрытой в своей глубине.

Вечером, разбив лагерь, я еле уговорил Семёна присоединиться к нам. Он почти не разговаривал, и по выражению его лица было видно, что постоянно о чём-то напряжённо думал.

Темнота постепенно накрывала тайгу плотным одеялом. Семён сидел неподалёку от нашего лагеря и как замороженный смотрел на багряное зарево, раскинувшееся у горизонта. Я и сам любил понаблюдать за тоскливым закатом, но часто старался этого не делать. Эта живая картина природы, почти всегда во мне вызывала неопределённую сильную тоску, которую сложно было объяснить логически.

Взгляд Семёна иногда источал лёгкие тени безумства, а иногда порывы некоего просветления. Как каменное изваяние он просидел без движения на одном месте, пока солнце вовсе не скрылось за горизонтом. Друг из юности выглядел странно, и подмывало задать массу вопросов, но из вежливости я держался.

После скромного ужина из консервов и наскоро сваренной каши, перед сном мы как всегда травили байки. Без этого ритуала не обходился ни один вечер, это было что-то сродни сказки на ночь малышам. Семён сидел особняком, словно стеснялся и продолжал о чём-то думать.

Когда потихоньку все разбрелись по палаткам, мы остались вдвоём. Я очень хотел расшевелить старого товарища и надеялся, что он всё-таки расскажет о себе что-нибудь, кроме неоднозначных ответов: ДА-НЕТ.

– Красиво здесь, согласишься? – спросил я, шевеля угли палкой в костре.

– Да, – снова равнодушно ответил он.

Я тогда вдруг понял, что ему все мои вопросы, в том числе и я, до одного места. Он где-то жил, очень далеко в своём мире, а здесь присутствовал лишь физически. Я чувствовал, что эта встреча его тяготила, тяготили мы, но из уважения он пренебрёг своим спокойствием, решив уделить нам своего драгоценного времени.

– Ты чего такой хмурый, посмотри какая красота вокруг! Темнотища, но красота ведь! Природа царица и мы её цари! – засмеялся я, похлопав товарища по плечу.

– Цари.... Хм... – презрительно усмехнулся он. – Ну и как царство? Корона не давит?!

Семён смотрел на меня каким-то обречённым взглядом, с обидой. Я чувствовал, как он сжигал меня своим осуждением. Признаться честно, не ожидал такого поворота событий и не мог понять – что ответить в данной ситуации и как поступить.

Спать в ту ночь я так и не лёг, а история, которую он поведал, до сих пор не даёт мне покоя, долгими зимними, часто бессонными ночами.

Глава 1

Мобильный телефон уже достаточно долго бесшумно скользил по тумбочке от исходящей вибрации. Семён сидел на кровати и уставшим взглядом следил за его движениями. Наконец чёрная коробочка затихла, высветив на своём экране надпись "12 пропущенных вызовов". Семён догадывался, кто звонил, хотя все двенадцать вызовов и были скрыты. Он схватил телефон, снял заднюю крышку, вытащил аккумулятор и сим-карту. Повертев в руках, со злостью швырнул его об пол. Открыв ящик тумбочки, достал ножницы и разрезал сим-карту пополам.

– Давно нужно было так сделать, – пробурчал Семён себе под нос, прошёл в коридор и, достав из кармана куртки другой телефон, вернулся в комнату.

Порывшись в списке контактов, он нашёл нужный номер и нажал кнопку вызова.

– Мам, привет! – уставшим голосом произнёс Семён и умолк под градом вопросов и причитаний.

– Я приеду скоро, – сообщил он матери, спустя пару минут, когда уже устал слушать её, затем быстро попрощался и, не давая завести очередную пластинку, сбросил вызов.

Опрокинувшись на кровать и, закрыв лицо руками, несколько раз тяжело вздохнул. Нервная работа за прошедшие годы морально утомила его. Последние полгода Семён не работал и чётко решил, что на прежнюю работу больше не вернётся, несмотря на хорошую прибыль. Накопленных средств должно было хватить на вполне безбедные лет десять жизни, ну если не особо шиковать. Семён давно планировал переехать из столицы в деревню к матери под Тверь, но всё никак не решался, откладывал на потом. Он давно стал за собой замечать, что с каждым годом, чем старше становился, тем сильнее начинал хандрить. Своё вчерашнее тридцатитрёхлетие Семён отпраздновал в полном одиночестве, сидя в кресле на просторной лоджии, отрешённо глядя сквозь стекло в пасмурное небо. Так он просидел до позднего вечера, иногда погружаясь в слабую дрему. Просыпаясь, делал небольшой глоток вина из стоявшего на полу бокала и снова закрывал глаза.

Настойчивые звонки с работы последнюю неделю всё больше укрепляли его решительность возвращаться в родные края. Ступив пятнадцать лет назад на перрон Ленинградского вокзала с целью поступить в юридический институт, Семён надеялся, что станет хозяином жизни и покорит упрямую столицу. Уж ему она откроет все свои двери. Эйфория прошла быстро, а действительность ткнула жестоко носом в реальность, заставив выбросить из головы максималистский бред и начать хоть как-то выживать.

Из института Семёна выгнали на третий год обучения. Молодой человек оказался слишком деятельным и организовал среди студентов некую финансовую пирамиду, обещая каждому, кто вложится в его перспективное дело, немислимые прибыли. Уголовного дела избежать удалось с трудом, благодаря троюродному брату матери, имевшему кое-какие связи среди правоохранителей.

После отчисления, проскитавшись несколько месяцев в поисках лёгкой жизни в столице, он, наконец, набрался смелости и вернулся в родное село, где оперативно был пойман местным участковым и препровождён в районный военкомат. Мать тогда облегчённо вздохнула, в надежде, что может хоть армия выбьет дурь из головы сына.

Отдавать долг Родине, Семёну пришлось в спорт роте разведки. Сыграло в этом большую роль спортивное прошлое парня. Ещё в юности он активно увлекался боксом, и даже завоевывал несколько раз призовые места на соревнованиях, но тренировки были постепенно заброшены. Семён вдруг осознал для себя, что это скучно и яркости в жизни не прибавит. Чего-то не хватало. Чего именно, он пока не понимал, но был уверен, что если не испугаться нарушить устоявшуюся обыденность, можно найти то, чего так сильно требовала душа.

Из армии Семён вернулся совершенно другим человеком, как и хотела мать. Вот только судьба распорядилась немного иначе и исполнила её желание на своё усмотрение, вернув сына замкнутого, необщительного, жёсткого.

Первые два месяца после демобилизации, Семён находился в какой-то прострации. Он часто раздражался по пустякам, неохотно шёл на разговоры с матерью, постоянно избегая её надоедливых расспросов. В подобном поведении сына, мать винила всё чаще себя. Ведь могла со связями родственников избавить его от армии, но не сделала этого, а наоборот настояла. Теперь в жизни ее сына была война и как стереть из памяти этот отрезок жизни, она, к сожалению не знала.

Постепенно он стал задумываться о том, как жить дальше. В одно августовское пасмурное утро, Семён собрал небольшую сумку с вещами и уехал в Москву. Ступив вновь на перрон Ленинградского вокзала, в этот раз он уже не питал никаких надежд, безропотно отдав себя в неприятные объятия реальности.

Работать поначалу приходилось по четырнадцать часов в сутки на стройке разнорабочим, чтобы хоть как-то влачить нищенское столичное существование и вовремя оплачивать койко-место в снимаемой на четверых однокомнатной квартире. Но длилось это недолго. В поисках более лёгких денег, Семён однажды познакомился с людьми, которые и предложили ему сменить робу строителя на совершенно иную спецовку...

Дела пошли, как это говорится – в гору! Достаток постоянно рос, иногда делая довольно внушительные скачки вверх. Новая жизнь с радостью распахнула свои двери, впуская новую "жертву", маня яркими красками и незабываемыми ощущениями, окунув в тёплую пьянящую иную реальность, недоступную простым смертным.

Мнимое счастье длилось недолго и теперь, спустя уже немало лет, Семён вдруг понял, что ничего в его жизни не меняется. Всё меняется вокруг, полноценная жизнь где-то есть, она есть везде, но его почему-то обходит стороной. Он всегда откладывал всё на потом, на первом месте было приумножение капитала. Капитал приумножался довольно хорошо, а вот пресловутое будущее почему-то не спешило.

Хотелось спокойствия хотя бы временного, а то, что спокойной жизни в городе не видать, он осознавал всё чаще. Спасением в сложившейся душевной неурядице было лишь возвращение в родное гнездо и спокойное обдумывание дальнейшей жизни. Необходим был временный таймаут.

Семён всегда с завистью смотрел на молодые пары, гуляющие со своими детьми во дворе, представляя, что однажды и он сможет стать заботливым отцом, любимым мужем. Многочисленные женщины, встречавшиеся на его жизненном пути, быстро утрачивали своё первоначальное очарование, страсть, и он тут же с ними расставался без тени сожаления. Создать семью Семён уже не надеялся. Все, с кем пытался построить отношения, почему-то быстро надоедали. Справедливо рассудив, что очередная страсть рано или поздно непременно угаснет, мысли о настоящей любви, о которой в свое время было немало прочитано в книжках, парень выбросил из головы.

Пронзительная трель телефона нарушила тишину, заставив вздрогнуть от неожиданности.

– Слушаю! – машинально ответил Семён, не успев толком разглядеть звонивший номер.

– Здравствуйте! Я бы хотел сделать заказ на резное кресло из "ятобы", это бразильская вишня, может, слышали? Вы ведь занимаетесь эксклюзивной мебелью под заказ? – хриплым голосом поинтересовался звонивший.

– Это опять вы?! – слегка раздражённо ответил Семён. – Я ведь уже объяснял, что не работаю больше, а уж тем более с редкими породами древесины. Кстати, откуда вы узнали мой номер телефона?

– Семён, если бы вы не повели себя столь безрассудно и не выключили рабочий телефон, то и не узнал бы. Мне очень важен этот заказ, вернее он важен шефу, а значит и мне. Ничего личного, это моя работа.

– Обратитесь, пожалуйста, к другому краснодеревщику, я вам всё уже сказал и не единойжды! – перебил он собеседника.

– Вы не поняли, Семён, я обращаюсь именно к Вам! Другие, как вы выразились – краснодеревщики, слишком ненадёжны будут в исполнении столь деликатного дела. И потом, сумму гонорара за выполнение данного заказа можете назначить сами, ну естественно в рамках разумного. С расценками мы уже знакомы, так что смело можете умножать в два раза, на своё усмотрение, но, чур, не нагнать, – заискивающе проговорили на том конце провода.

– Я подумаю... – коротко ответил Семён.

– Замечательно! Как надумаете, эскизы кресла заберёте в ближайшем к вашему дому почтовом отделении, они будут на ваше имя до востребования. Долго только не думайте... – после этой фразы послышались короткие гудки.

Семён бросил телефон на кровать и прошёл в ванную комнату.

– Черти, даже квартиру вычислили... – раздражённо пробурчал парень.

Жадно умыв лицо холодной водой, отправился на кухню. Он очень не хотел брать этот заказ, вообще никакой заказ не хотел. Молодой человек давно поставил точку. Почему он сейчас сказал – "подумаю", Семён не понимал, хотя скорее лукавил. Лишние деньги никогда не помешают, а работы может потом и не быть. – Это точно последний... – буркнул он себе под нос, отхлёбывая из чашки только что сваренный кофе.

С данным заказчиком Семёну ранее приходилось работать уже трижды. Хотя каждый из новых заказов и был сложнее прежнего, но и денег покупатель не жалел. Здесь же заказ был намного сложнее, это было ясно из разговора. Слишком эксклюзивное дерево обозначено, значит, придётся попотеть.

День выдался пасмурный, как впрочем, и большая часть июня. Затянутое небо беспросветным одеялом облаков периодически орошало землю противной мелкой моросью. Семён вышел из подъезда десятиэтажного дома, поёжился, застегнул ветровку до ворота, подошел к серому внедорожнику, припаркованному напротив подъезда. Бесшумно моргнула аварийка. Открыв водительскую дверь, он на секунду задумался, затем захлопнул дверь и, накинув капюшон на голову, решил идти пешком. Почта находилась недалеко, так что можно было и пройтись, подышать дождливой прохладой.

Отстояв минут двадцать в очереди, Семён получил от пожилого оператора за стойкой, небольшую бандероль. Бросив её в пакет, купленный тут же, он быстрым шагом поспешил покинуть заведение, наполненное в основном недовольными пенсионерами.

"Глубокоуважаемый, Семён, (извините, не помню как Вас по отчеству, да и не уверен, что имя тоже настоящее). В данной посылке вы найдёте всю необходимую информацию для выполнения заказа. Извините что по старинке, почтой, но как ни парадоксально, а в век компьютерных технологий, бумажная почта по моему скромному разумению намного надёжней. Не буду ходить вокруг да около. Меня интересует одна единственная вещь..."

Семён отложил сопроводительную записку, отхлебнул уже остывшего чая и бегло осмотрел небольшую стопку бумаг. Среди них был подробный план каких-то помещений больше похожих на лабиринт, билет на самолёт до Иркутска на завтра на его имя, а также две затёртых чёрно-белых фотографии с изображением серого кругляша с едва различимым рисунком.

Парень повертел в руках фотокарточки. Иначе это было назвать нельзя. По разумению Семёна, данный снимок был сделан явно не менее пятидесяти лет назад соответствующим

щей тем временам техникой, причём любительской. На первой фотографии на кругляше просматривалось не то животное, не то человек. На второй едва различимое очертание плавных скруглённых линий с перпендикулярными им прямыми. На каждом снимке была приложена линейка для масштаба. Бляха имела диаметр в десять сантиметров. На первый взгляд это было похоже на старинную монету, но смущали размеры.

Семёну раньше приходилось работать по заказам коллекционеров, но золотых или серебряных монет таких размеров он ещё не видел, хотя в руках довелось подержать довольно внушительные коллекции. То, что изделие было либо из золота, либо из серебра, сомнений не было, несмотря на черно-белые снимки.

Часто сталкиваясь с ценами на всякого рода предметы истории, Семён знал, что порой невзрачная и на первый взгляд никчёмная безделушка могла стоить баснословные деньги. Всякое бездельё пусть и из драгоценных металлов никого не интересовало. Интерес к вещи вырастал пропорционально её истории. Чем ярче и длительнее исторический путь того или иного предмета, тем выше цена и не важен материал изделия. Здесь же по всему выходило, что на снимке предмет явно из благородного металла и таит в себе не малый путь через исторические дебри, если им так сильно заинтересованы.

Отложив фотографии, Семён взял в руки недочитанное письмо.

"... прилагаю её снимки. За качество не обессудьте, но это единственные эскизы нужного мне "кресла". Надеюсь, Вы поняли, что данный заказ непростой и очень важен для меня. Дабы не томить в неведении и избежать ненужных соблазнов, оговорюсь – Представленная вещь, практически никакой материальной ценности не имеет, за исключением её веса в золоте. Так сложилось, что исторически этот предмет не запечатлел себя документально, посему любой коллекционер поднимет на смех человека, пытающегося ему её продать. Но не буду лукавить, история здесь есть и не маленькая. Если вдруг станет любопытно, обязательно поведаю...

Альберт вам по телефону уже сообщил, что сумму гонорара можете назначить сами. Знаю, что он просил не наглеть. Наверняка она у вас в голове уже созрела, разрешаю её удвоить. Это так сказать, чтобы стимул не подводил. Я прекрасно всё понимаю, дело необычное, это не особняк обнести, здесь всё сложнее, поэтому не скуплюсь.

В аэропорту Иркутска вас встретит моё доверенное лицо и передаст всё необходимое. С собой можете ничего не брать, всем снабдят на месте. Знаю, что вы не горите желанием встречаться лицом к лицу с моей стороны, но поверьте, если бы я желал от вас избавиться, сделал бы это давно. Вы прекрасный импровизёр и мастер своего дела. Такими людьми грех разбрасываться. Считайте, что в какой-то мере я вами дорожу, только прошу, не совершайте больше этих глупых ошибок, как уход от дел. В этом ваше призвание! Фатализм здесь ни к чему, а работы у меня найдётся ещё немало.

Пока готовитесь, изучите, пожалуйста, и запомните подробно прилагаемый план помещений. Думаю таскать с собой бумаги нет необходимости, оставьте их дома, скажем в виде пепла, ну вы поняли...

Это старое подземелье Буддийского монастыря. Монастырь, насколько мне известно, действующий.

Ещё раз приношу тысячу извинений, что заставляю возиться с этой бумажной волокитой. Вот такой я мнительный.

На этом разрешите откланяться! Жду от Вас, Семён, хороших вестей через два месяца, не позднее. Мы с Вами профессионалы своего дела, и думаю срок более чем подходящий.

Приятного путешествия... "

– Хм... Бразильскую вишню захотели, – усмехнулся Семён.

Дело предстояло действительно непростое. Монастырь уже однажды приходилось посещать по одному заказу, но это было почти под боком, а здесь какой-то буддийский, да ещё в придачу затерянный у чёрта на куличках. По опыту было известно, что заказчики зачастую не владели полнотой информации или владели ею в искажённом виде. Иногда требуемых вещей просто не оказывалось в том месте, где предполагалось их выкрасть, работа была проведена впустую. Подготовке к таким мероприятиям Семён предпочитал уделять как можно больше времени. Лучше потратить лишние пару дней на дополнительный сбор информации, нежели потом остаться ни с чем. За холостую работу Семёну никто не платил, да он и не настаивал, прекрасно осознавая, что предлагая подобные услуги, полагаться на исчерпывающие сведения со стороны клиента было глупо.

Включив ноутбук, Семён сразу же полез во всемирную паутину в надежде выискать хоть какую-то информацию о предмете заказа, хотя почему-то был уверен, что ничего не найдёт. Поисковики отказывались выдавать что-либо похожее на объект, запечатлённый на фотографиях. Да и заказчик не уточнил что это такое, чем усложнил задачу. Семён вводил в строке поиска разные варианты, начиная от монет и заканчивая амулетами. Отдаленно похожие вещи попадались, но лишь отдаленно. Трудности заключались и в том, что качество снимка было отвратительное.

Оставив тщетные попытки что-либо разузнать, Семён встал из-за стола и стал собирать вещи. Не мешало бы конечно посетить альпинистский полигон, но времени на это уже не было, завтра вылет. Последний раз он там был два месяца назад, да и то не перед подготовкой к заказу, а по привычке.

Ближе к вечеру Семён собрал кое-какие вещи, упаковав их в большую спортивную сумку, завёл будильник на телефоне на пять утра и, приняв контрастный душ, лёг пораньше спать. Проваливаясь в сон, он вдруг почувствовал непонятное волнение, постепенно сменявшееся противным липким страхом. Семён попытался открыть глаза, встать с постели, но казалось, что тело крепко привязали к кровати, а веки налились свинцом. Он изо всех сил сопротивлялся, попытавшись в какой-то момент даже закричать, но кто-то или что-то упорно утаскивало разум в пугающее сновидение.

Глава 2

Огромная чёрная змея, извиваясь, летела по воздуху, в полутора-двух метрах над землёй. Её жутковатое шипение было отчётливо слышно за спиной. Семён бежал из последних сил, не разбирая дороги. Он иногда оборачивался, мельком встречался с её холодным взглядом маленьких глаз. Впереди послышался слабый шум воды, показался обрыв. Семён прибавил скорости. Шипение уже было совсем близко и предательски нагоняло дрожь в тело. Последние метры до спасения, казалось, тянулись целую вечность. Два мощных прыжка, земля под ногами закончилась, и он полетел в воду.

Обжигающий холод, резкая боль от укуса твари, всё-таки сумевшей нагнать, перед тем, как тело жадно поглотили бурные воды реки. Его тут же закрутило мощными течениями, утаскивая на дно. Семён хотел сделать глоток воздуха, грудь больно сдавливалось, голова сильно кружилась. Вдруг перед лицом появился огромный пузырь воздуха, свободно колыхающийся на дне. Он дотянулся кое-как и, сунув в него голову, сделал глубокий вдох. Резкий неприятный и жгучий запах мгновенно отключил сознание

– Как себя чувствуете?! Воды?! – Стюардесса махала перед носом ваткой с нашатырным спиртом, в другой руке держала стакан с водой. Семён фыркнул от едкого запаха.

– Вы не дышали какое-то время. Такое часто с Вами происходит? Через полчаса посадка, мы вызвали медиков к трапу. Может у вас аллергия на что-то? – продолжала расспросы стюардесса.

Семён делал глубокие глотки воздуха, растерянно смотрел по сторонам и первые мгновения не понимал что происходит. Соседние пассажиры с любопытством разглядывали его, казалось с каким-то ехидством и злорадством.

– Нет, всё в порядке, не нужно медиков. Просто мне неприятный сон приснился, да и летать боюсь. Наверняка стресс сказался на самочувствии, – быстро взял он себя в руки и попытался выйти из положения.

Семён был слегка удивлён. Такие яркие сны ему снились лишь первые полгода после армии, затем в какой-то момент их словно отрезало, и последующие годы он не видел больше ни одного сновидения. Настораживало и то, что задышался он не только во сне, но и на самом деле. Такое было впервые в жизни. На здоровье Семён никогда не жаловался, даже простудой за все тридцать три года болел от силы раза четыре, не говоря о более серьёзных недугах.

Убедившись, что всё в порядке, стюардесса удалилась, попросив в случае чего незамедлительно сообщить.

Пассажиры ещё какое-то время искоса поглядывали на него. Раздражение от этого внимания просто кипело внутри. Сидевшая рядом грузная женщина лет пятидесяти, периодически нервно вздыхала, всем своим видом выказывая брезгливость к своему попутчику. Казалось, будто все его сейчас ненавидели за что-то.

Оказавшись в здании аэропорта и смешавшись с толпой, Семён наконец-то свободно вздохнул, хотя ему ещё до сих пор казалось, что на него все показывают пальцем.

Выйдя на улицу, он окончательно успокоился. Погода была намного теплее, чем в Москве.

– Извините, господин Семён? – по правую руку стоял невысокого роста худощавый мужичек лет сорока, с сильными залысинами на голове.

– Да, – коротко ответил Семён.

– Миша, – протянул он руку для приветствия и предложил пройти к стоянке автомобилей.

Вскоре они подошли к чёрному микроавтобусу. Задняя дверь тут же отворилась. Оттуда бодро, несмотря на свои размеры, выскочил молодой парень и пригласил Семёна внутрь. Размеры парня были нескромные – не менее двух метров ростом и в ширину добрый метр. По ту сторону двери сидел практически брат близнец прежнего камердинера, если не считать разницу в причёсках, у первого она отсутствовала ввиду полного отсутствия растительности на голове, второй имел завидную пышную шевелюру. Миша уселся на переднее сиденье, бросил беглый взгляд назад и скомандовал водителю.

Вопреки ожиданиям Семёна, город он так и не увидел. Выехав из аэропорта, автомобиль сделал пару поворотов и вскоре они оказались на небольшой пригородной трассе.

Ехали не долго. Через минут двадцать машина свернула в лес на проселочную дорогу и после недолгой тряски по песчаной грунтовке среди строевых сосен, остановилась у высоких деревянных ворот, за которыми виднелся небольшой двухэтажный домик.

– Прошу, Семён! – жестом пригласил Миша гостя в только что отворённую калитку.

Двор был просторный, с парой хозяйственных построек. Дом выглядел слегка мрачно-вато. Выложенный из толстых потемневших от времени брёвен, он немного походил на реквизит к фильму ужасов. Но вся эта атмосфера тут же рассеивалась, стоило взглянуть на крыльцо. В контрасте с мрачным домом, внушающим если не страх то, как минимум уважение, оно выглядело нелепо и даже смешно. Нет, оно было выполнено со всем профессионализмом, но что только на него не было налеплено: резное, клеточки, кружочки, попытка изобразить что-то в стиле а-ля всё в кучу, да в придачу и выкрашено в четыре цвета. Видимо изначально этого чуда зодчества здесь не было, пристроили намного позже.

– Вам тоже это кажется несколько не к месту? – с иронией спросил Миша, заметив, как гость пристально разглядывает крыльцо.

– Как-то не особо гармонирует, – искренне ответил Семён.

– Вот и я, то же самое спросил у рабочих. Почему говорю – не гармонирует? А они мне стали рассказывать небылицы, что это по какому-то там шуй-фену, и что всё по высшему разряду, это мол дом нелепый. Ну а мне какой лад до всего этого, я на инженера учился! – возмущённо развел руками Миша. – Ну, перестраивать не стали. Они мне в качестве компенсации насыпь небольшую на берегу сделали, – махнул он за дом, где еле виднелась небольшая полоска воды и приличных размеров курган. – Так хоть для гостей теперь развлечение, смотрят на крыльцо и на душе веселей.

– Да уж, – коротко ответил Семён, а про себя задался риторическим вопросом – а рабочие тоже на материал насыпи ушли, в качестве фундамента...

– Да что я Вас всё своими байками потчую, – засуетился Миша. – Давай в дом, с дороги как-никак. Парни! – крикнул он маячившим сзади близнецам. – Организуйте всё по быстрому, человеку отдохнуть надобно.

В доме было всё в минималистском стиле. Стены всё из того же бревна. На полу грубо тесаные доски, затоптанные до черноты. В комнате, куда привёл Миша, в углу стоял массивный круглый дубовый стол, на полу старый в дырах прямоугольный коврик в разноцветную полоску, пара деревянных табуреток.

Совершенно не по шуй-фену, как выразился хозяин, у дальней стены стоял роскошный кожаный диван. Он вальяжно развалился среди всего прочего безобразия творившегося вокруг. Наверняка ему было обидно и одиноко, но он всем своим видом старался показать, что плевать хотел на всё с высокой колокольни...

В соседней комнате всё было иначе. Камин, облицованный красным кирпичом, хоть и не топился в данный момент, но от одного его вида становилось тепло и уютно. На полу были расстелены несколько шкур животных. Два кресла качалки рядом с камином. Стены увешаны трофейными головами разнообразных животных.

Отворив неприметную дверь справа от камина, Миша пригласил гостя войти, не давая задержаться и рассмотреть все повнимательнее.

Тесная комнатуха с маленьким окошком под потолком, напоминала какую-то карантинную палату: одинокая кровать, стоявшая у стены, была аккуратно застелена пышным одеялом. Рядом табуретка и небольшой шкафчик.

– Здесь, я думаю, отдохнёте спокойно после изнурительного перелёта. Никто не мешает, выпитесь от души. Сумку свою можете пока оставить, не волнуйтесь, никто не тронет. И пойдёмте, провожу к столу, нужно как следует перекусить. Далее делайте, что считаете нужным, но я бы порекомендовал выспаться. День завтра тяжёлый. Вениамин Натанович очень просил меня проследить, чтобы вы хорошо отдохнули с дороги, – слегка улыбнулся Миша.

Семён никогда не доверял людям, а уж тем более тем, с кем приходилось иметь деловые отношения, причём отношения уголовно наказуемые. В таких делах ухо стоило держать в остро. В данном положении иного выхода не было, как плыть по течению. Он понимал, что сильно рисковал своей головой. Нет, не сейчас, а когда будет выполнен заказ. Ранее связь держалась через множество подставных точек. Заказ принимался и выполнялся с большой осторожностью. Здесь же всё вдруг пошло наоборот. Его вычислили и навязали свою игру, а он согласился. Семён иногда задумывался над этим. С одной стороны оплата за работу более чем достойная. Он не сомневался, что потребуй ещё увеличения гонорара, заказчик согласился бы не раздумывая, хотя сумма и без того вырисовывалась сказочная. Выходило, что либо его решили слить после выполнения, либо что-то с этой вещью было не так. Ну, или и то и другое, что более вероятно. Просто так, заказчик карты открывать не стал бы. В придачу знакомство с доверенными лицами, это ни к чему ненужная лишняя головная боль.

Пужинав почти в полном молчании в компании Миши и двух близнецов, Семён вернулся в отведённую комнату. Порывшись в своей походной сумке, достал ноутбук и рухнул на кровать.

Любопытство начинало брать своё. Он решил ещё раз поискать хоть какую информацию о предмете заказа.

Разочарование постигло тут же. Связь была нулевая. Модем отказывался ловить сигнал. Семён достал из сумки телефон. Надпись на экране гласила "no signal". Огорчённо вздохнув, он прикрыл глаза, намереваясь уснуть.

В комнате стало уже почти темно. Сумерки постепенно надвигались на округу. До слуха донеслась слабая трель. Внимательно прислушавшись, он тихо подошёл к двери и слегка потянул её на себя. Дверь оказалась заперта. Нисколько не удивившись, Семён припал ухом к замочной скважине. Звук повторился ещё пару раз и затих, заменив собой глухой едва слышимый гул разговора. Было ясно, что звонил чей-то телефон.

Семён отошёл от двери, на секунду задумался. Заглянул под кровать, открыл шкаф. Тот был пуст. Пошарив снизу по днищу, рука уткнулась в непонятный предмет. После недолгих манипуляций на свет появилась чёрная коробочка с куском оторванного скотча, в простонародье – "*глушилка обыкновенная*". Семён бегло изучил её и извлёк аккумулятор. Проверил телефон, связь присутствовала. На всякий случай выключил его, чтобы невзначай не зазвонил и включил ноутбук.

Запросы похожих картинок по-прежнему результата никакого не давали. Пришлось пойти более сложным путём и искать информацию в тексте.

Ранее, сталкиваясь с подобными "мутными" заказами, удавалось быстро выяснять всю подноготную, так как зачастую это были общеизвестные предметы. Информация о них конечно ровным счётом почти ничего не давала, кроме представления о материальной и исторической ценности. В любом случае полагалось выкрасть и передать заказчику. Но Семён был любознателен. Он в какой-то мере проникался к каждой вещи, которая проходила через его руки. И если заказчики, в основном коллекционеры, испытывали им одним известную эйфорию от

владения тем или иным раритетом, то Семён вел свою собственную коллекцию – виртуальную. Он перебирал часто в уме выполненные заказы, выделял из них самые необычные и мысленно начинал смаковать каждый шаг и кульминацию, когда требуемая вещь был в руках. Как и любому "нормальному" ценителю прекрасного, ему так же хотелось занять в свою коллекцию что-то очень необычное, чего до этого не было ни у кого.

По большей части Семёну не перед кем было бахвалиться, так как конкурентов почти не имел. Коллеги в счёт не шли. Они часто работали в команде под кем-то, или на себя, но их не волновали сами вещи, волновал их денежный эквивалент. Семён же работал предпочтительно с "историей". За это мало кто брался даже по заказу, так как часто это были сложные заказы, которые могли обернуться неприятностями. Если непосильно нажитое частное искать будет лишь хозяин и полиция для проформы, то за публичную всенародно известную вещь могли и голову снять.

Семён в принципе и стал монополистом в этой области благодаря жажде к искусству, а не только к деньгам, которые впрочем, были неотъемлемой частью этой любви. Когда решил "завязывать" полгода назад, то в планах были мысли, что пора материально начать собирать свою собственную коллекцию. Но как говорится – попробовав единожды, остановиться трудно. В глубине души Семён был даже рад, что заставил себя уговорить на это дело.

Тяга к познанию прошлого началась внезапно в подростковом возрасте. Когда учась в шестом классе, он за неделю принёс в дневнике третью двойку по истории, мать в очередной раз тяжело вздохнула и махнула обреченно рукой. Старший брат, до того равнодушно относившийся к учёбе младшего, вдруг усадил его за стол, сам сел напротив: – А знаешь ли ты, Семка, что человек, не помнящий рода своего, обречён на смерть!? – С мрачным видом произнёс он, глядя брату в глаза. – А история – это есть род наш! Вот что ты слышал, допустим, про Египетские пирамиды?

– Нуу... их бурлаки какие-то строили... – неуверенно ответил мальчик.

– Эх, Семка! Во-первых, не бурлаки, а рабы. Ну а во-вторых, пирамиды строили древние боги, а помогали им инопланетяне!

– Ха, дуришь!? – засмеялся младший брат.

– Вот и не дурю, – искренне ответил старший и вкратце пересказал ему то, что читал в какой-то немецкой брошюре в оригинале. Он сам в подобное не верил, просто очень сильно увлекался иностранными языками, мечтал вырваться из Союза и уехать за кордон, вот и читал всё, что попадалось под руки из зарубежного.

Рассказ старшего брата сильно поразил воображение подростка, и ему до жути стало интересно сначала про пирамиды, а потом и про многое другое. Но, несмотря на жажду познать тайну, Семён был ленив в части кропотливого изучения интересующего материала, поэтому хватал одни верхушки, не затрудняя себя углублением в подробности.

Впоследствии он вспоминал слова брата о смерти из-за незнания прошлого, соглашался, но не во всём. Свой собственный вывод он сделал тоже – Историю нужно изучить, отфильтровывать, снова изучить, отбросить ещё процентов пятьдесят и лишь тогда это будет похоже на правду. Только вот образовавшаяся пустота после отбракованного, автоматически становилась тайной за семью печатями, которую хотелось разгадать ещё сильнее.

Семён резко отвлёкся от воспоминаний, протёр закрывавшиеся от усталости глаза и принялся дальше выискивать информацию. Лениво перелистывая разнообразные ссылки, он заметил маленькую картинку в верхнем углу экрана. Это был рисунок почти один в один как те фотографии, что предоставлял для ознакомления заказчик. Картинку сопровождала маленькая статья в какой-то дореволюционной газете, чему свидетельствовало частое мелькание буквы "Ять" и твёрдого знака после гласных в конце слов. Не то скан был плохой, не то источник потрепан изрядно, но разглядеть что-либо удавалось с трудом. Семён увеличил масштаб до максимума и, щури глаза, как школьник начал по слогам вычитывать знакомые буквы.

Статья называлась – "**Нась больше н?ть...!?**" Далее что Семён смог разглядеть, обрывисто гласило:

"17-го августа 1822 года после подписания указа от 22 июля сего года императором Александром Павловичем о свободном исповедании, его сиятельству был преподнесён весьма странный, в некотором тоне оскорбительный дар от представителя буддийского монастыря. Золотая бляха, надписью по гурту "Вас больше нет...". Данный поступок, его сиятельство пока не прокомментировал. Что этим хотели сказать служители Будды? Нас больше нет?!.. "

– Эх ты дела какие... – вслух подумал Семён и выключил ноутбук. Сам собой напрашивался вывод – вещь непременно ценная, но не настолько же чтобы за её заказ платили такие деньги. Видимо дело тихо замяли, ограничившись лишь небольшой заметкой в газете. То, что это подарок императору, делало предмет бесспорно дорогим, но гипотетически максимальная цена за него не дотягивала даже до суммы гонорара. Можно конечно предположить, что заказчик лютой коллекционер зацикленный именно на теме Александра I, и снова всплывал вопрос – ну необычный подарок, да из золота... И... Всё! Вся историческая ценность заканчивалась на этом. Мало ли подобных подарков дарили нашим императорам. Наверняка были более искусные и значимые.

Нет. Выходило, что это не основная ценность. Заказчик хоть и был помешан на истории, но цену всему знал. Будь он легкомысленный помешанный параноик, не занимал бы сейчас кресло в правительстве. Человек точно знает, что это и какова его ценность.

Семён отметил про себя, что ещё толком не приступил к выполнению, а уже все мысли забиты интригой с непонятной бляхой. Он ощущал даже некоторое приятное состояние азарта от этой тайны. Раньше при любом выполнении заказа, своеобразная эйфория проявлялась лишь, когда предмет был уже на руках.

– Нас больше нет... Вас больше нет... Белиберда какая-то – шептал себе под нос Семён, глядя в темный потолок, пока наконец усталость не взяла своё, отправив разум в объятия Морфея.

Сон был тяжёлый и странный. Странный в первую очередь тем, что он вообще снился. Второй раз за короткое время, Семён видел яркое сновидение. Чувство было, словно всё происходило наяву.

Стоя посреди густого леса, Семён ощущал себя огромным, неуклюжим и абсолютно голым. Тело что-то сильно сковывало. Какое-то время он пытался сбросить непонятные оковы, потом свыкся и зашагал по хрустящим веткам, валявшимся под ногами. Он чётко понимал, что не боится. Страх не было никакого, лишь непонятная путаница в голове, некоторое удивление и неприятная скованность тела.

Семён не спеша пробирался сквозь буреломы, нисколько не беспокоясь о царапающих голое тело ветках. Скованность постепенно проходила, и он начинал ощущать огромный прилив нечеловеческих сил.

Внезапно он почувствовал непонятное трепетное чувство. Оно усиливалось с каждым мгновением. Безумная радость от собственной значимости перед чем-то великим вдруг посетила сознание. Казалось, что его кто-то звал, кто-то очень важный для него, и нужно во чтобы то ни стало не заставлять себя ждать. Появилось чувство тоски и страх не успеть, разочаровать того, кто ждёт. Парень резко сорвался с места, и изо всех сил ломанулся вперёд не разбирая пути, сшибая своим телом попадавшие сухие ветки деревьев. Невидимая толстая шкура уже не мешала, но хорошо защищала. Чем ближе становилось до нужного места, тем сильнее сознание наполнялось эйфорией граничащей с помешательством.

Лес расступился, выбросив парня на обширный цветущий луг. Рядом текла небольшая река. Семён замедлил бег, перейдя на быстрый шаг. Он понимал, что спешка теперь ни к чему. Гордой походкой направившись к берегу, Семён увидел того, кому он был так необходим. Маленькое, необычайной красоты существо, окружённое со всех сторон золотистым сиянием, стояло на берегу и улыбалось, глядя в его сторону. Парню казалось, будто сердце сейчас выпрыгнет наружу от переполняющей радости. Он понимал, что знает кто это, но никак не мог вспомнить, как не напрягал память.

Подойдя совсем близко, он прильнул к земле. Почувствовав на своей шее теплое прикосновение, Семён аккуратно спустился по пологому берегу и, шагнув в воду, поплыл на другой берег. Он преодолевал водную преграду и больше всего боялся хоть как-то навредить этому существу. Одна только мысль о том, что он может как-то обидеть того, кому так нужен, заставляла испытывать боль. Выбравшись на другой берег, парень снова прильнул к земле, давая возможность спуститься со своей спины.

Одарённый в награду крепким объятием и сияющей улыбкой, он прыгнул в воду и со всей своей мощью поплыл обратно, испытывая великий восторг от значимости выполненного им дела для того, кому он так был нужен. Он хотел бы остаться с этим сиянием, но понимал, что не должен докучать своим присутствием, хотя и знал, что никто его не прогонит. Голова кружилась от радостных чувств. Постепенно краски окружающего мира стали путаться и всё внезапно исчезло...

Открыв глаза, Семён какое-то время не мог понять, где находится и что происходит. Он часто дышал, по телу пробежала мелкая противная дрожь, от чего сильно передёрнуло. В маленьком окошке под потолком только зарождался рассвет. Чувства от пережитого во сне были настолько яркими, что казалось, будто спит именно сейчас, а там была самая настоящая явь.

Поднявшись с кровати, парень встряхнул руками, сделал зарядку, поприседал, отжался. Дверь в комнату почти бесшумно отворилась, на пороге оказался Миша.

– Вы уже встали... так рано? Уважаю! – Улыбнулся хозяин дома. – Как закончите ваши упражнения, прошу на чашечку горячего чая из самого настоящего самовара! – Миша прикрыл за собой дверь и ушёл.

Семён собрал все вещи в сумку, достал полотенце с зубной щёткой и вышел из комнаты. При входе стоял один из "близнецов" и тоже держал в руках полотенце, протягивая гостю.

– Спасибо, у меня есть, – ответил парень на немой вопрос.

– Вот сюда, – произнёс здоровяк, приглашая жестом в ванную комнату.

Несмотря на духоту на улице, в доме было свежо и слегка прохладно. Кондиционером или чего-то подобного Семён не увидел, разглядывая помещение.

– Всё-таки лучше бревенчатого дома ещё ничего не придумали. Летом не жарко, зимой не холодно, – произнёс Миша, видя вопросительный взгляд парня.

Они сидели за большим дубовым столом. Хозяин дома выкладывал на него бумаги, доставая их из потрепанного портфеля.

– Пётр неси! – обратился он к одному из близнецов-мордворотов.

– Ага, – коротко кивнул тот и, поднявшись из-за стола, вышел из комнаты.

– Вот, – вернулся Петя спустя несколько секунд с большой спортивной сумкой и поставил её у стола.

Миша заглянул в неё, порылся и застегнул обратно.

– Вот смотрите, Семён! Это ваша одежда, а это документация, – кивнул он на сумку и на кипу бумаг на стол. – Поймите правильно и не подумайте чего плохого, но такие условия. Всё

в чем вы одеты, придётся оставить здесь, а так же всю технику, которая при вас есть. Поверьте, всё останется в целостности и сохранности. По возвращении заберёте в лучшем виде.

– Понимаю, – сухо ответил Семён.

– Это карта генштабовская, двести пятьдесят метров, – взял он в руки сложенную в несколько потрёпанную "простыню" бумаги, развернул на весь стол. – Древняя конечно, но самый лучший вариант, сейчас таких не делают. Технологии мать их... – выругался Миша.

– Здесь... – ткнул он пальцем в треугольник обозначенный карандашом, – Находится монастырь. Сооружение дремучее и по слухам заброшенное, но монахи там есть. Были туда ходоки, но место хоть и доступное, сам монастырь отыскать сложно. А здесь, – указал он чуть восточнее метров на двести. – Монастырское подземелье. Попасть в него возможно только через сам монастырь. Ну как это сделать, не мне вам рассказывать. В случае удачного похода, уходить нужно вот этим путём – провёл пальцем Миша меж красных линий на карте. Не вздумайте идти другой дорогой, найдёте массу проблем. Ну да не мне вам объяснять, дело сложное, сами понимаете.

– Понимаю, – снова лаконично ответил парень.

– Вот здесь, – взял Миша в руки и развернул уже на половину стола очередную "простыню", – план-схема помещений подземелья. В принципе никаких лабиринтов как в сказках. Ваша цель вот эта комната, – указал он на самый дальний угол от начала монастыря. – Здесь найдёте всё, что требуется. Комнатушка не особо большая, но что там, я не знаю, так что возможно придётся поискать. Ну, на этом собственно всё... Здесь ещё документы ваши, Игорь Николаевич Дубков. Хотя я более чем уверен, что вы далеко не Семён. А теперь будете ещё и не Игорь, – усмехнулся Миша. – Со слезами на глазах отдаю в ваше распоряжение свой старенький УАЗ. На нём доберетесь до границы, ну а там и до точки. Не волнуйтесь, машина в полном порядке, не подведёт. Как доберетесь до границы, оставьте автомобиль в тупике, поймёте по местности. Дальше только пешком. И прошу, обращайтесь с техникой бережно, она мне очень дорога! На этом мне более нечем вам помочь, кроме как проводить. Кстати переодевайтесь пока. В сумке ещё есть компас, не забудьте, спрей перцовый, провизию в машину загрузим. Парадокс, да? В век высоких технологий идти по бумажным картам и пользоваться компасом... Здесь ситуация деликатная: те кто ходил, заметили, что техника в тех краях будто с ума сходит, отказывается работать, а то и вовсе батареи в одно мгновение садятся ни с того ни с сего.

Открыв ворота одного из сараев, на свет явило себя чудо советского автопрома годов восьмидесятых не позднее. После недолгих манипуляций под капотом, Миша сел за руль, несколько раз безрезультатно крутанул стартером и на пятой попытке завёл двигатель. Клубы белого дыма заволокли автомобиль плотным облаком. Спустя минуту всё рассеялось, выхлопная труба больше не чадила.

– Давно не ездил, полгода уже, – засмеялся Миша, – Но за ним следили! – Серьёзно подытожил он.

Глава 3

Семёна мучил один единственный вопрос – почему заказчик, имеющий у себя в "друзьях" довольно серьезных людей, сделал заказ именно ему? Что-то здесь было не так. Ведь буддийские монастыри всегда открыты для любого человека, насколько было известно. Проникнуть в подземелье не должно составить труда. Заказчик вместо того, чтобы отправить своих проверенных людей и по максимуму удешевить процесс, отдаёт заказ ему, соглашается на баснословные деньги. Семён конечно мог поинтересоваться у Миши всеми подводными камнями этого дела, но знал по опыту, что если чего-то тебе не говорят, значит не стоит и спрашивать. В любом случае стоило готовиться к худшему. Если водят вокруг, да около, посему дело – дрянь.

Тряска на старом уазике длилась уже часа четыре. По прикидкам граница должна скоро быть. Последние минут двадцать троил двигатель, сначала с перерывами, а потом и постоянно. Семён мысленно молился, лишь бы доехать как можно дальше. Уазик отказывался разогнаться более шестидесяти километров в час. Съехав с трассы на грунтовку, скорость пришлось убавить до минимума, насколько позволяло дорожное полотно.

Свернув с хорошо накатанной грунтовки у крупного валуна, о котором ранее говорил Миша, как об ориентире, Семён попал на еле катаную лесную колею, порядком заросшую травой. Видно было, что по ней редко ездили. Ветки деревьев нависали прямо над лобовым стеклом. Дорога постоянно извивалась максимально круто в разные стороны, что, не успев выкрутить руль влево, тут же приходилось быстро крутить его вправо. Утешало то, что местность была каменистая, и грязи как таковой не было, так что продвижению ничего особо не мешало.

Спустя минут сорок, выехав из густого леса на открытую местность, путь преградила шустрая узкая речка, больше похожая на крупный ручей, усеянный большими камнями. Это была так называемая граница. Дальше автомобиль стоило оставить и двигаться пешком. Хотя иного выбора у Семёна не оставалось. На том берегу начинались горы, густо заросшие лесом. Дорога, по которой он только что приехал, делала резкий поворот и уходила вправо вдоль берега.

– Ну что, бывай... Любуйся тут природой, а мне нужно идти дальше, ты уж извини, – похлопал Семён по капоту железного коня и, вытащив из салона рюкзак с вещами и провизией, не медля, отправился в путь.

Перебраться на тот берег удалось не замочив ноги, тому способствовали частые крупные валуны, по которым он и прошёл без проблем.

Идти предстояло около трёх километров на юг, а затем у следующей небольшой реки километров десять на восток. Тут же пришлось достать Компас и свериться.

Взобравшись на первую сопку, Семён дошёл до противоположного склона и, вскарабкавшись на высокое дерево, огляделся. Кругом был сплошной хвойный лес, а

вдалеке виднелось несколько голых проплешин.

Вместе с пришедшим закатом солнца, пришла и тоска. Семён сидел на уступе небольшого утеса берега речки, на которую вышел ещё часа три назад. Сколько успел, прошёл вдоль берега в нужном направлении и обустроился на ночлег.

На душе было противно и тоскливо. Вечер в одиночестве среди дремучих гор и лесов навевал хандру и лёгкую панику. Семён в последние годы часто ходил в походы, в основном в центральной части России, но бывало, при случае выбирался на северный Урал. Он давно заметил, что чувство одиночества обостряется обычно по вечерам в подобных местах.

В такие моменты казалось, будто ты никто и звать тебя никак... Величие природы давило на сознание, молчаливо давая понять – кто на самом деле здесь хозяин. Семён сразу же вспоминал изречение – "Человек – царь природы" и, усмехнувшись, тут же добавлял – "Вот только природа об этом не знает...". Он считал, что в такие моменты натура любого человека

оголяется, и он становится тем, кто есть на самом деле. Одиночество, одно из главных условий понимания себя.

Настелив побольше елового лапника, Семён положил сверху полиуретановый коврик, свернулся в позу младенца и постарался уснуть. Требовалось хорошо выспаться и максимум завтра к вечеру быть на месте. Как утверждал Миша, монастырь заметить будет несложно, если идти правильной дорогой. Некоторые из его построек стоят на вершине утёса. Главное же здание ближе к низине. Обдумывая возможные дальнейшие действия, он постепенно уснул.

Семён мягко ступал по толстому ковру мха, иногда останавливаясь и прислушиваясь к окружающему миру. Тело было полностью голым, только невидимая толстая шкура ощущалась вместо одежды. Мысли немного путались, хотелось жутко есть. Парень пытался оценить окружающую обстановку, но никак не мог сообразить, кто он и что вообще делает? Было чувство, будто в нём сейчас жили две сущности, его собственная и чья-то ещё. Чем сильнее он силился осмыслить происходящее, тем быстрее это осмысливание теряло свою важность, становилось всё равно. Вскоре и вовсе все мысли исчезли, оставив лишь одно чувство голода.

Внезапно повеяло страхом. Семён его ощущал везде: в воздухе, в деревьях, земле, в нём самом. Он понимал, что не должен бояться и никогда не боялся в жизни, но сейчас это чувство окутало весь разум.

Парень замешкался, заметался из стороны в сторону, лихорадочно соображая, что делать и вдруг понял, что боится не за себя.

Тот, кому он был нужен – испытывал боль. Эту боль Семён чувствовал каждой клеткой своего организма. Его мозг буквально разрывало на части от бессилия, от невозможности чем-то помочь. Что было сил, он закричал на весь лес, но из горла вырвался какой-то непонятный звериный рёв, полный отчаяния.

Он мысленно почувствовал того, кому был нужен и, сделав глубокий вдох, сорвавшись с места, побежал, в надежде успеть.

С нечеловеческой скоростью он ломился сквозь заросли леса, надеясь в глубине души, что ошибся и тот, кому он всегда нужен, в безопасности.

Безумный бег продолжался до самого вечера. Лёгкие разрывало от боли.

На последнем издыхании Семён взобрался на невысокий продолговатый холм. По ту сторону холма шумели высокие травы, часто сильно склоняемые ночными ветрами. Впереди неподалёку парень заметил рошу. Бесшумно ступая по земле, уже неторопливо направился к ней. Семён вдруг понял, что все-таки опоздал, но надеялся, что всё еще сможет помочь.

В ноздри ударил запах крови. Ему казалось, будто впервые чувствует подобное, но с другой стороны он чётко был уверен, что этот запах уже знаком, вот только вспомнить никак не получалось.

Войдя в рошу, Семён остановился. Он уже знал, что его ждёт там и как мог, оттягивал этот момент. Огромный ком подкатил к горлу, глаза наполнялись влагой. Сильно выдохнув ноздрями и собравшись с силами, сделал шаг...

Небольшая полянка тускло освещалась лунным светом. Семён подошёл к старому дубу, росшему в центре, и тихо заскулил. Спустя мгновение его скулёж резко прекратился, и после небольшой паузы сменился надрывистым криком.

Окровавленное существо, привязанное верёвками к дереву, с улыбкой смотрело в небо, а из груди торчала длинная толстая палка. Еле заметное сияние его тела, постепенно угасало.

Семён присел рядом. Один из тех, кому он так был нужен, покинул этот мир. Сильная обида и отчаяние душили парня за глотку, временами перекрывая кислород. Он не понимал – что делать дальше и как такое могло произойти...

Развязать верёвки не получалось и тогда он начал грызть их зубами, с остервенением разрывая оковы в клочья, пока от них не осталось ничего, кроме коротких обрывков.

Вскоре Семён скрылся с освещаемой полянки, унося собой холодное тело. Он должен был его отнести туда, где Боги разговаривали с солнцем и дать возможность уйти в бесконечную вселенную. Парень до конца не понимал – стоит ли это делать, но надеялся, что поступает так, как одобрил бы тот, кому он всегда был нужен...

С сильным хрипом, почти задыхаясь, Семён открыл глаза. Жадно хватая ртом утренний прохладный воздух, он некоторое мгновение пытался осознать и оценить обстановку.

Отдышавшись, парень кое-как пришёл в себя. По телу била крупная дрожь. Первые мгновения после пробуждения, сновидение казалось намного реальнее яви. Сильно болели ноги, как после многокилометрового марша. На губах ощущалась засохшая корка. Семён протер руками лицо, на пальцах остались бурые следы. На языке чувствовался солоноватый вкус. Губы были в запекшейся крови. Спустившись к реке, он с остервенением стал умываться, прогоняя остатки сна.

Взобравшись обратно на уступ, достал газовую горелку и вскипятил в кружке воды для чая.

Неприятное ощущение на душе омрачало и без того пасмурное утро. Чувство противной тоски и страха давило на сознание, выбивая из колеи. Третий сон за короткое время. Семён уже не мог на это не обращать внимания и признался себе, что с ним происходит что-то неладное. Наверное, не стоило браться за этот заказ, если уж решил бросать. Нервы сдают, мозг бунтует. Но как говорится – бабло победит всё! И он повёлся, обратного хода не было.

Следующий вечер, Семён встретил у развилки реки. Ночь прошла на этот раз спокойно, без будоражащих разум снов. Утром, проснувшись и быстро позавтракав, он отправился дальше.

Спустя пару часов, охотник за реликвиями заметил вдалеке на возвышенности смутные очертания построек. Соблюдая осторожность и глядя по сторонам в оба, он вскоре добрался до первого строения. Им оказалось выложенное из крупных булыжников некое подобие небольшого сарая, выкрашенное в цвет охры. Несмотря на массивность сооружения, дверь в него была грубо сколочена из полусгнивших досок. Она болталась на одной большой ржавой петле вбитой в расщелину между камнями. То, что здесь никто давно не появлялся, стало ясно после беглого осмотра.

Проём опутывала большая паутина. Заросшая тропа к сараю, говорила о давней заброшенности. Запах прелой соломы, устилавшей пол помещения витал в воздухе и от малейшего её шевеления, поднималась мелкая едкая пыль, тут же забиваясь в ноздри.

Семён осмотрелся по сторонам, вышел обратно на улицу. Метрах в пятидесяти, ниже по склону, стояло более крупное здание, а за ним, ещё ниже, проглядывала сквозь деревья довольно монументальная постройка. Видать это и было монастырём.

Уйдя с заросшей тропы, Семён стал продвигаться к цели, прячась в тени деревьев. Через каждый десяток шагов он останавливался и прислушивался. Вся окружающая местность говорила о том, что здесь не было человека очень давно, несмотря на то, что Миша утверждал, будто монастырь действующий.

Семёну иногда казалось, что за ним кто-то следит. Возможно зверь, возможно человек... На всякий случай, в руках наготове был спрей. На поясе висел нож, но он от зверя вряд ли спасёт.

Обойдя несколько раз трехэтажное здание по кругу, Семён вернулся к главному входу.

Сначала были условные ворота, напоминавшие о себе двумя столбами из каменных глыб. Затем шла площадка перед самым входом внутрь. Её размеры были не более трёх десятков шагов в ширину и длину.

Выждав еще какое-то время, вслушиваясь в окружающие шумы, наконец решился и медленно подошёл к воротам. Ещё раз осмотревшись, бегом преодолел открытую местность.

Стены здания были сложены из крупных грубо отесанных блоков гранита. Дверь внутрь отсутствовала, напоминая о своём существовании лишь массивными проржавевшими петлями с обеих сторон. Проём был довольно большой – метра три с половиной в высоту и столько же в ширину.

Изнутри на Семёна смотрела темнота. Мелкими порывами до лица доносился слабый сквозняк, приносивший с собой запах плесени.

Достав из рюкзака фонарь, он осторожно сделал шаг внутрь. Осветив пространство вокруг себя, осмотрелся. Потолки высотой метров пяти, голые каменные стены, заросшие паутиной, кое-где ободранная деревянная отделка. Сквозь заколоченные окна, просачивались тонкие струйки света. Семён достал карту помещений, бегло осмотрел её и двинулся через просторный зал к дальней стене, в которой был очередной зияющий пустотой проём.

Миновав около десятка крупных и маленьких комнатушек, появилась узкая лестница, ведущая вниз, сооружённая всё из того же камня. Было такое чувство, что здание выдолбили в скале. Ничего кроме камня, и некоторых редких деревянных элементов здесь не было.

Через семь крутых пролётов, лестница закончилась. Невысокий узкий коридор больше похожий на лаз для карликов, уходил под наклоном вниз, делая постепенно плавный поворот. По пути попадались с разных сторон небольшие комнаты, все так же девственно пустые. Об их назначении стоило только догадываться. Возможно, это были своеобразные кельи, а возможно и камеры для провинившихся. Хотя Семён был уверен, что буддизм являлся одной из самых миролюбивых религий. Его служители, если верить источникам, опасались раздавить букашку, не говоря о том, чтобы наказать человека за какую-либо провинность.

По мере продвижения, парень чувствовал нарастающее беспокойство. Оно конечно в таком деле просто обязано быть, но в данном случае беспокойство было слишком пугающим и странным. В разум стучался противный страх. Чем дальше Семён ступал, тем сильнее этот страх давил на сознание.

За очередным плавным поворотом вдруг забрезжил тусклый свет. Сердце авантюриста сильно ёкнуло и сжалось. Тело покрылось обильным потом. Семён выключил фонарь, замер на месте, стараясь не дышать. Это не было дневным светом. Он был желтоватого отблеска и играл тенями, словно где-то там горело живое пламя.

Переведя дух, Семён сделал в направлении света пару нерешительных шагов и снова остановился, присев на корточки, прижимаясь к холодной каменной стене подвала.

Свечение вдруг сильнее заиграло тенями по стенам и до слуха донеслось слабое шарканье. Парень вжался в стену и стал потихоньку отползать назад за поворот. Скрывшись из поля зрения, он остановился и занял выжидательную позицию, поглядывая в сторону источника шума. Шарканье не прекращалось и даже приближалось. Было ясно, что там человек. Свет постепенно продвигался по тоннелю и вскоре достиг места незваного гостя. Парень стал отступать и нырнул в первую, попавшуюся на пути тёмную комнатушку. Зайдя за проём, он прижался к стене.

Шарканье и свет уже были совсем рядом, высвечивая проём комнаты. До слуха доносилось слегка хрипловатое дыхание. На противоположной стене комнаты, он отчетливо видел тень человека, стоявшего в проёме.

Семён лихорадочно соображал, как дальше поступить. Убивать возможного свидетеля в его планы не входило. Оставалось только временно обезвредить, до выполнения задуманного.

– Туда... – раздался вдруг хриплый голос, сопровождаемый одиночным эхом. Тень стояла на том же месте, но уже с вытянутой в сторону рукой.

– Моя проводить... – снова прохрипел голос. – Туда...

Семён решил больше не выжидать и сделал резкий рывок к проёму, в надежде застать свидетеля врасплох и обезвредить, но на предполагаемом месте уже никого не было.

– Туда, моя проводить... – Незнакомец стоял уже шагах в десяти от комнаты, в стороне, откуда пришёл и жестом приглашал за собой.

Низкого роста худощавый старик с лысой головой, держал в руке керосиновую лампу. Морщинистое лицо, раскосые глаза и едва заметная улыбка. Тело было обмотано красной простынёй. Как называлась подобная одежда, Семён не знал, поэтому отметил про себя аналогию именно с тем, на что больше всего она походила.

– Твоя не бойся, моя проводить... – снова нарушил тишину старик и отошел к стене, приглашая незваного гостя.

– Ты кто, старик?! Ты монах?

– Моя проводить... – повторил он, игнорируя вопрос.

– Куда? – с нотками недоверия в голосе поинтересовался Семён.

– Иди – снова лаконично ответил старик и, повернувшись спиной, последовал по коридору.

Семён некоторое время постоял на месте, обдумывая сложившуюся ситуацию, и решил двигаться следом, в надежде, что в случае чего сможет быстро нейтрализовать подозрительного монаха.

Парень не особо торопился, стараясь держать приличное расстояние. Старик иногда останавливался, оборачивался и, убедившись, что гость следует за ним, двигался дальше.

Несколько раз, свернув на развилках коридора, они вошли в ещё один тоннель, точно стрела уходящий вперёд. Семён держал в руках план помещений и периодически сверялся. Старик шёл именно туда, куда нужно.

Парень заметно отстал от проводника, постоянно оглядываясь назад, и шёл лишь на удаляющийся свет. Впереди появился резкий поворот. Свернув в него, Семён увидел вдалеке низкий проём в стене не более метра. Старик уже был там. Блики от его лампы, вырывались тусклыми отблесками наружу.

Семён встал на четвереньки бегло осмотрел и пролез в узкий лаз. Поднявшись с колен, он ещё раз огляделся. Старика нигде не было. На столе у дальней стены одиноко стояла его керосиновая лампа. Комната была довольно большая, боковые стены оставались в затемнении. Взяв со стола лампу, он приступил к тщательному осмотру помещения. Иногда до лица доносились мелкие порывы ветерка, что говорило о хорошей вентиляции. Но ничего похожего на вент-шахту замечено пока не было. Семён медленно подошёл к самой дальней боковой стене и по мере её освещения волосы на его голове начинали жить свое жизнью, порождая шевеление. Разглядев всё подробнее, ноги подкосились и, рухнув на каменный пол, стал пятиться назад. Стекланная колба лампы от падения разбилась, погрузив комнату в темноту. Семён быстро нащупал фонарь на поясе и включил его, освещая злополучную стену.

Около десяти человек в ободранной одежде, стояли почти по стойке смирно в одну шеренгу. Глаза их были открыты, а на лицах читался застывший ужас.

– Эй... – неуверенно произнёс парень. В ответ последовало одинарное эхо.

Глубоко вдохнув-выдохнув, он не спеша подошёл к одному из них и помахал перед лицом фонариком. Реакции никакой не последовало. Осторожно дотронулся до руки, почувствовал слабое тепло. Проверил остальных. Все люди были живы, но в непонятном ступоре.

Рядом лежали рюкзаки, их было ровно столько, сколько и людей. Семён осмотрел вещи, во всех он обнаружил точно такой же план помещений, как и у себя. Картина понемногу вырисовывалась. Бедолаги по-видимому являлись такими же охотниками за добром, как и он сам.

Порывшись в своем собственном рюкзаке, Семён достал респиратор и одел на лицо.

У противоположной стены, он увидел узкий коридорчик и ранее незамеченный доносившийся оттуда непонятный звук, посветил туда фонарём. Из пола, на высоту примерно в метр поднималась каменная чаша, а в ней журчал маленький родничок.

– Вот в чём дело! Не пей, братец, козлёночком станешь... – отметил парень одну из версий ступора неудавшихся охотников за реликвиями. Подойдя к роднику, в освещении фонаря он вдруг увидел на дне чаши то, зачем сюда пришёл.

Бляха из жёлтого металла, лежала в воде, слегка поблёскивая цветом, сгубившим многих в этом мире.

Сердце Семёна лихорадочно забилося от вида странного и столь простого в исполнении артефакта. Он смотрел на медальон и не мог оторвать взгляд. Казалось, тот завораживал своей простотой и тайной. То, что тайна была и не простая, сомнений уже не было. Забыв обо всём на свете, он с улыбкой сумасшедшего сунул руку в воду и достал золотую бляху из чаши.

Семёну казалось, что это не просто золото, а целая эпоха, скрытая в небольшом кусочке. Он это чувствовал наверняка. Разум наполнился непонятной радостью, ему захотелось смеяться и плакать.

Пришедшая эйфория вдруг резко сменилась слабой тоской, которая нарастала с каждой секундой всё сильнее. Она давила на виски пульсирующей болью и затрудняла дыхание. Семён с раздражением сорвал с лица респиратор и швырнул его на пол.

Лёгким хотелось кислорода, но дышать становилось всё труднее. В глазах мутнело, кружилась голова.

Стены подземелья вдруг стали постепенно исчезать, будто их стирают ластиком на бумаге. Глазам становилось больно от яркого света, затем сильная мимолётная вспышка изменила всё. Явившаяся взору картина, казалась каким-то бредом. Семён не ощущал себя физически, как будто осталось одно сознание, всё остальное исчезло.

Это сознание парило высоко в небе над необъятной тайгой.

Могучий первобытный лес очаровывал. Чувствовалось его мягкое, но сильное дыхание. Он каждое мгновение создавал новую жизнь, наполняя природу вокруг себя ликованием. Душа парня пыталась впитать всю мощь этого творения, часто в ответ отдавая частичку себя, от чего природа с благодарностью выплёскивала в пространство ещё более мощный поток своей энергии.

– Папочка мой, папочка! – тут же вернул в реальность детский крик.

Семён посмотрел вниз.

Маленькая девочка, лет пяти, в белом сарафане, расшитом синими кружевными цветами, бежала вверх по склону небольшого холма. На её лице радостно сияла улыбка, светлые волосы трепал встречный ветер.

Из высокой травы поднял голову мужчина, затем быстро встал на ноги и поспешил навстречу.

– У Гульки детки народились! – Слегка запыхавшись и продолжая сиять радостной улыбкой, сообщил ребёнок.

– Ты видела их? – спросил отец и подхватил дочь на руки.

– Да, папулечка мой, видела, они хорошенькие такие! Пойдём, я покажу тебе... – почти шёпотом и с тоном некой тайны произнес ребёнок.

Они быстро спустились с холма и направились в сторону высокой стены леса, выстроившейся неподалёку.

Семёну показались эти люди до боли знакомыми, но вот где он их видел, вспомнить никак не получалось.

Прошагав немного по мягкому зелёному мху, они подошли к старой поваленной ели. Из-за вывороченного корня дерева вышла тигрица. Девочка тут же подбежала к ней и обхватила зверя за шею.

Мужчина присел на землю и посмотрел в глаза зверю. Тигрица заурчала и припала к земле. Она слегка переминала передними лапами по земле, то выпуская, то пряча огромные

когти. Её фырк становился с каждым разом всё громче. Зверь погружался в одному ему понятное состояние.

– Не нужно ей мешать, у неё ведь теперь есть дела поважнее. Пойдём к маме?– оторвал свой взгляд от тигрицы отец и поднялся с земли.

– Хорошо, папочка, сейчас пойдём, – ответила девочка и отпустила шею своей подруги.

Тигрица, до того лежавшая с прикрытыми глазами и мурлыкавшая, резво подскочила на ноги и скрылась за корнем дерева. Через мгновение она одного за другим вытащила два маленьких комочка, положила их перед людьми, а сама легла рядом, поочерёдно облизывая своих новорождённых.

– Красивые они у тебя, пойдём мы, – мужчина потрепал полосатую кошку по холке, отчего та снова замурлыкала.

– Ты иди, папочка, а я позже приду, поищу брата, он говорил, что на нашей реке будет.

– Хорошо, беги, я к маме пойду...

Она резво запрыгнула к отцу на руки, улыбнулась, заглянув в глаза, поцеловала в щёку и, спрыгнув обратно на землю, убежала в сторону небольшой лесной речки. Та протекала неподалёку и служила притоком другой, более крупной и полноводной реки, раскинувшейся огромным полотном на холмистой равнине.

Покинув лес и спустившись с небольшого холма, немного пройдя вдоль обрывистого берега, человек, не делая паузы, нырнул прямо в одежду в воду. Взобравшись на противоположный берег, он зашагал в сторону дубовой рощи, произраставшей неподалёку.

Навстречу ему вышла молодая светловолосая женщина в лёгком светлом платье. Её волосы были сплетены в тугую длинную косу, свисавшую чуть ниже пояса. Она остановилась у самого края рощи, слегка прикрыла глаза и, улыбнувшись, подставила лицо под вечерние лучи заходящего солнца. Через мгновение её подхватили крепкие руки, и женщина сильно обхватила за шею их обладателя.

– Мой муж, ты что-то задумал?– с ноткой тайны, игриво улыбаясь, спросила она, заглядывая ему в глаза.

– Нет, но если так говоришь, значит, обязательно задумаю. Ты ведь всё всегда знаешь лучше меня и наперёд,– засмеялся он.

– Я лишь чувствую мир, который живёт внутри тебя, а он с каждым днём наполняется непонятным страхом,– вдруг переменялась в лице женщина.

– Ты меняешься, как когда-то изменились все люди...– она сделала небольшую паузу, отпустила мужа.– Как когда-то они изменятся! – подвела она итог.

Мужчина присел в траву. Рядом пристроилась женщина и положила голову ему на плечо. Они молча смотрели на стремительно уходящее за горизонт солнце, и каждый думал о своём.

– Уйти мне вскоре нужно. Возможно и не вернусь больше никогда...

– Вернёшься,– шёпотом произнесла женщина.– Ты всегда возвращаешься. Пусть не в этой жизни, пусть в другой, но вернёшься, мой милый...

– Вряд ли. Война идёт по земле. Она слишком многие умы заполняет, и остановить её не представляется возможным. Мысли людей слишком сильны, и эта война уже произошла! Произошла множество раз и будет происходить всегда, пока полностью не уничтожит человека. Я боюсь заблудиться.

– Дети сейчас вернуться,– резко сменила тему разговора женщина.– Замучили они хозяина. Ты им скажи, чтобы не отвлекали лишний раз его.

– Ему не сложно, он только рад этому,– слегка улыбаясь, ответил мужчина.

Вскоре из леса выбежала девочка, а вслед за ней, не спеша, появился мальчуган, лет восьми от роду.

По противоположному берегу со стороны леса горделиво шествовал хозяин здешних лесов, иногда останавливаясь и поглядывая назад.

Семён наблюдал за происходящим действием, и ему вдруг показалось, что он где-то подобное видел. Он неосознанно предугадывал каждое движение зверя наперед. В какой-то момент, парень вдруг уловил мысли зверя, и это были его собственные мысли.

Хозяин леса подошёл к более пологому участку берега и прильнул к земле. Девчонка подбежала к нему и запрыгнула на спину. Огромный бурый медведь осторожно поднялся, аккуратно спустился к воде и поплыл на другой берег. Он старался как можно аккуратнее плыть, чтобы не навредить чем, этому маленькому человечку, которому он сейчас так был нужен.

Мальчик, дойдя до берега, как следует разбежавшись, прыгнул в воду...

– Мамулечка, папулечка! – радостно улыбаясь, подбежала девочка к сидящим у раскидистого дуба родителям, втиснулась между ними, и крепко обняла каждого, сколько хватало детских сил.

Мальчуган снял промокшую одежду, выкрутил воду, одел обратно на себя и пристроился рядом.

– Скажи, отец, ты уходишь из нашего дома? – спросил сын, разглядывая появляющиеся на небосводе звезды.

– Ухожу! Так нужно. И что бы ни произошло, я прошу всех вас – оставайтесь прежними. Я уже не смогу быть таким...

– Сможешь, мой папочка, сможешь! – заглянула ему в глаза дочка, улыбнулась своей неповторимой улыбкой и ещё крепче обняла. – Ты всё сможешь. И другим ты хочешь стать не потому, что тебе это нужно, а потому, что ты желаешь сохранить то великое, что пока ещё есть в людях. Всё будет хорошо. Помни, что мы всегда будем рядом! – Взгляд ребенка стал меняться, и из детского шаловливого беззаботного, он вдруг стал каким-то умудрённым огромной прожитой жизнью. Она смотрела в глаза отцу, и казалось, мысленно успокаивала его.

– Да, я буду помнить! Обязательно!

Солнце уже полностью скрылось за горизонт. Остатки заката очень быстро растворились в стремительно надвигающейся ночи.

Мужчина не спеша поднялся, сделал несколько шагов в сторону реки и обернулся...

Сын смотрел мудрым взглядом на отца. Дочь улыбнулась, взяла за руку брата, и спустя некоторое время, они скрылись в роще.

По лицу его женщины текли слёзы.

Он снисходительно улыбнулся ей напоследок, развернулся и сделал решающий шаг в неизвестность....

Его мысли полетели со стремительной скоростью по бескрайним просторам вселенной. Он переступил черту и перестал быть тем, кем был до этого.

Семён парил все так же в воздухе и всем своим сознанием чувствовал непонятную страшную тоску и надвигающуюся трагедию.

Ночное небо, до того прозрачное и сверкающее миллионами звёзд, постепенно заволакивало тучами, лишь пробивающийся через них лунный свет всё ещё освещал природу вокруг.

Вскоре начал накрапывать мелкий дождик. Постепенно, с воем, поднимался сильный ветер, заставляя шуметь травы и кроны деревьев. Природа веселилась и плакала, скорбела и радовалась. Радовалась своим богам и тут же их оплакивала. Она знала всё! Знала на многие тысячи лет вперёд, и горе её было безграничным, как вселенная, неотъемлемой частью которой она являлась.

Жертва, принесённая богом, уже начала ломать волю человеческую. Эпоха сменялась эпохой. Земля выгорала, затем, долго залечивая раны, с невероятными усилиями растила заново жизнь в себе с особой заботой и любовью, оберегая каждую искру этой жизни. И так повторялось из вечности в вечность...

Краски мира стали тускнеть и после сильной вспышки, странное видение исчезло. Семён находился всё в той же комнате в подzemелье. Резкий спазм тут же сдавил горло, мешая нормально дышать.

Парень бросился к выходу, но как ни старался, не мог обнаружить лаз, через который сюда попал. Он задыхался с каждым мгновением всё сильнее. Противный зуд появился в голове от нехватки кислорода. Перед затуманенным взором, вдруг появился старик. Семён, ползающий по полу на коленях, протянул к нему руку.

– Вас больше нет... – прошептал хриплым голосом монах.

– Сс...сука... – всё, что смог выдавить из себя Семён, перед тем, как сердце сделало несколько затухающих ударов.

Разум находился в полнейшей пустоте. Семён ощущал себя в подвешенном состоянии в каком-то вакууме. Сумбурные воспоминания прожитой жизни быстро стирались и казались бредом, сильно напрягающим сознание. В какой-то момент он уже перестал отождествлять себя с тем, кем был. Семён чувствовал, как размышления о жизни, прошлом, стираются всё быстрее. Вскоре не осталось ничего, даже мыслей. Маленькая искорка зародилась в опустевшем сознании. Она быстро увеличивалась в размерах, и вскоре пустота перестала быть таковой, наполнив себя ярким светом. Здесь было тепло и уютно. Вся шелуха прошлой жизни исчезла, оставив после себя полнейшую чистоту. Душа ощущала себя светом, теплом, абсолютным добром. Вдруг ей стало больно, что она не может поделиться этим добром с кем-нибудь. Хотелось отдать все свои знания до последней капли, но кому?

Душа решила действовать и устремилась сквозь свет, не желая далее быть безучастной в созидании красоты мира. То, что эта красота где-то есть, она была уверена наверняка...

В один момент, где-то очень далеко, в скрытом уголке вселенной, она заметила эту красоту и решила воссоединиться с ней, чтобы, будучи одним целым, творить подобную и наполнять вселенную чистым сиянием...

...Было больно, иногда невыносимо, но душа понимала, что нужно терпеть и цель будет достигнута. И она терпела, пока первый глоток воздуха, окончательно не воссоединил её и ту частичку красоты, которую она выбрала в бесконечном добре...

– У тебя сын родился, мой император, ты выбрал имя?

– Давно, брат... – Амур – наследник мой!!!

Это последнее что услышала душа, всё ещё осознающая себя как единство...

Детский плач, разносился далеко по коридорам. Никто кроме императора не смел говорить даже шёпотом, дабы не нарушить эти звуки красоты, только народившегося наследника трона.

Глава 4

Император открыл глаза. Тело было мокрое от пота. Частое дыхание и страх, всё ещё пульсирующий в голове, не сразу дали возможность прийти в себя.

Глубоко вдохнув несколько раз, он быстро встал, умылся, прогоняя непонятный сон, и поспешил покинуть своё походное жилище.

Выйдя из шатра, император окинул взглядом окрестности.

– Брат, ты чем-то огорчён?! – участливо поинтересовался подошедший воин.

– Нет, сон странный снился мне нынче. Ты помнишь, как родился? – Император сделал паузу и, не дождавшись ответа, похлопал воина по плечу. – А я сегодня во сне это видел! А перед тем как появиться на свет, блуждал в какой-то странной бесконечности, там не было границ, не было земли, неба, воды, ничего не было, представляешь?!

– Брат, ты видел, как я родился?! – недоумённо спросил воин.

– Не ты, Тариман, а я! – расхохотался Император.

Рассвет только начинал пробиваться сквозь ночную мглу. Чуть поодаль в низине горели костры, где расположилось войско. Люди отдыхали перед важным решающим переходом. Император стоял, заложив руки за спину, и наблюдал за бурлящей жизнью своей армии.

Не совсем уже молодой, но и не старый, чуть более тридцати лет от роду. Коротко стриженная борода с лёгкой проседью придавала ему довольно зрелый вид, отчасти скрывая резкие и жёсткие черты лица. Коричневые штаны из грубой кожи, плотно обтягивали ноги. Обувью служили высокие до колен сапоги на толстой подошве, с торчащим изнутри голенища мехом. Запахнутый на правую сторону короткий красный плащ больше походил на длинную куртку, застёжками которой служили несколько шнурков, продетых через отверстия и крепко связанных между собой. На груди слегка поблёскивали золотые нити, которыми было вышито изображение солнца с множеством лучей тянувшихся от него. Из-под плаща торчали два меча в ножнах, один длиннее другого.

Ветер носился над долиной, иногда затихая, а иногда в очередном порыве игривости ускоряясь, с безумной яростью сметая всё, что было ему под силу.

Лучи солнца, вышитые золотыми нитями на развевающихся знамёнах, ярко сверкали, наперегонки стремясь к своему родителю, горделиво поднимавшемуся из-за горизонта. Этот недостижимый отец жизни с каждым мгновением добавлял всё больше ярких красок в окружающий мир, освещая и согревая его всей своей мощью.

Над долиной раздался протяжный вой труб. Минуту спустя всё стихло и сигнальщики, подхватив свои огромные горны, бегом направились в центр лагеря.

Воины быстро стали разбирать палатки, гасить костры, грузить разнообразные вещи на лошадей. Спустя непродолжительное время, от беспорядочного лагеря не осталось и следа. Многочисленное войско стояло в огромном строю в полной тишине, перед которым верхом на большом чёрном коне восседал их предводитель. Медленно проехав вдоль всей своей армии, он остановился и взмахнул рукой. Строй тут же развернулся вправо, превратившись из шеренги в колонну, и во главе верховых знаменосцев двинулся в путь. Позади этой длинной вереницы неуклюже двигались обозы с продовольствием, оружием, одеждой. Главнокомандующий не спеша ехал чуть в стороне, в окружении трёх своих генералов.

Солнце уже поднялось довольно высоко, и утренняя прохлада постепенно отступала, слегка радуя уставших солдат от многодневных переходов.

– Скажи, Великий Амур, пройдем ли в этот раз?– спросил один из них.

– Пройдем! Или ты, сомневаешься?!– грозно сверкнул он проницательным взглядом на генерала. – Или же ты боишься?!

– Не смею сомневаться в твоём могуществе, великий Амур, но пятое лето пытаемся.

Амур выхватил из-за пояса плеть, и коротко свистнув в воздухе, она оставила на лице генерала кровоточащую рану.

– Ещё кто сомневается?! – крикнул император на своих подчинённых.

Командиры тут же попрятали взгляды, не желая испытывать участь товарища.

Войско двигалось на протяжении месяца по уже знакомому и самому лёгкому пути. В прошлые походы, которые так и не увенчались успехом, были опробованы разные направления, в итоге самым лёгким оказался именно этот путь, пролежавший по дну ущелья.

Учтя прежние ошибки, Амур был настроен решительно. Он уже не пытался штурмовать горы напролом как раньше, а велел провести разведку, в ходе которой и была найдена подходящая дорога. Во время первого неудачного похода погибла половина его войска в непроходимых горах, невесть откуда взявшихся. Зима, которую армия застала в самом сердце этих гигантов, показала тогда всю свою злобу и не пустила императора с его армией дальше середины могучего хребта. Амуру стоило немалых усилий подготовиться к новым походам.

И вот, наконец, огромная армия под предводительством великого Амура наконец-то пробралась сквозь высокие горы, простиравшиеся длинной грядой на многие тысячи километров. Переход стоил невероятных усилий и времени, но задуманное все-таки удалось свершить.

Амур стоял на краю небольшого утёса и, глядя вдаль, мысленно ликовал.

Его войско расположилось внизу, в небольшой каменистой долине, поросшей редкими кустарниками. Впереди ещё оставалась преграда в виде труднопроходимого леса, но это было уже неважно...

Он сделал это! Он – величайший из великих, вскоре склонит мир к своим ногам, и страна Красного Солнца будет властвовать над всем этим полностью и безоговорочно!

Солнце степенно пряталось за горизонт. Амур любовался вечерним заревом, и настроение было великолепным. Император улыбался, что было не свойственно ему. Душа радовалась, созерцая красоту окружающего мира.

Его внимание вдруг привлёк незнакомец, сидевший на небольшом валуне чуть выше, на уступе неподалёку. Его светлые волосы трепал слабый ветер, глаза были прикрыты, а на губах играла едва заметная улыбка. Из одежды на нём были лишь потрёпанные штаны серого цвета, всё остальное оставалось неприкрытым, несмотря на довольно прохладную погоду и надвигающуюся осень.

Амур хотел было закричать своим подчинённым, но язык почему-то не слушался. Полководец каждый раз набирал воздуха в грудь и снова пытался кричать, но из горла вырывался лишь хрип. Он вдруг на секунду ощутил себя слабым и незащищённым. Собрав всю волю в кулак, император отбросил наваждение и решительно направился к человеку, продолжавшему без движений сидеть на прежнем месте.

Не без усилий преодолевая каменистые пороги, полководец взобрался на широкую, почти идеально ровную и гладкую площадку, с одним единственным камнем в центре, служившем в данный момент местом отдыха незнакомцу.

Отдышавшись, Амур сделал несколько шагов в сторону валуна и вытащил из ножен меч.

Человек продолжал сидеть с закрытыми глазами и никак не реагировал на появление императора. Его крепко сложенное мускулистое тело говорило о том что, скорее всего он являлся воином. На вид ему было не более сорока лет. Светлые короткие волосы и простое без резкостей умиротворённое лицо.

Этот оборванец не производил никаких движений и не падал на колени в страхе перед великим императором. Подойдя совсем близко, Амур хотел было разорвать пополам невежду, но в последнее мгновение передумал и, достав из-за пояса плеть, стеганул по лицу сидящего на камне.

Незнакомец открыл глаза. Из рассечённой щеки тонкой струйкой побежала кровь, стекая небольшим ручейком по голому торсу.

Полководец ещё раз замахнулся, но вдруг испытал непонятный страх. Рука дрогнула, и плоть выскользнула, упав под ноги. Этот страх пришёл из ниоткуда. Он не был привычным чувством завоевателя, и это пугало ещё больше.

– Ты, кто такой!?! – дрожащим голосом произнёс Амур.

– Человек, – спокойно ответил незнакомец. Он продолжал сидеть не шелохнувшись, несмотря на кровоточащую рану. Казалось, это совершенно его не беспокоит, как будто ничего вовсе и не произошло.

Амур не понимал, что происходит. Паника вдруг нахлынула на сознание. Он чувствовал, как этот оборванец буквально прожигает его взглядом. Он смотрел прямо в глаза, ему, великому правителю великой империи.

Император пытался отвести взгляд, но этого не получалось. Человек будто вытаскивал душу из него.

Совладав кое-как с собой, невероятным усилием он подавил этот непонятный страх.

Человек перестал смотреть на него и снова прикрыл глаза.

– Ты, кто? – повторил свой вопрос полководец, но уже как-то растерянно.

– Человек, – отозвался незнакомец.

– Как имя твоё?! – более властно спросил Амур.

– Зачем тебе моё имя? Оно что-то изменит? У меня нет имени, называй, как хочешь.

Наваждение улетучилось так же внезапно как появилось.

– Ты раб? – спросил полководец.

– Почему ты так решил, великий Амур?

– Потому что имени не имеешь. А откуда знаешь моё имя!? – удивился он.

– Ты сам его назвал.

– Не лги, раб, я тебе его не называл!

– Ну как же? Ты постоянно твердишь своё имя и постоянно восхищаешься своими достижениями. Только глухой не услышит, – с ноткой горечи в голосе произнёс человек и открыл глаза.

Сердце Амура дрогнуло, он снова испугался! Он вдруг осознал, что боится этого чужака, но не понимал – почему. Последний раз испытывать подобные чувства доводилось лишь в детстве, когда вёл себя неподобающе юному наследнику императора, и отец его жёстко наказывал. А здесь он испытывал страх перед взглядом какого-то сумасшедшего, непонятно откуда взявшегося у подножия безлюдных гор. Даже его войско, находящееся за спиной, почему-то не придавало уверенности.

– Прости меня, Амур, – вдруг заговорил незнакомец тихим голосом.

– За что я должен тебя прощать?!

– За то, что лишил тебя возможности самостоятельно решать...

– Хм... – император немного успокоился и задумался.

– Странно ты говоришь. Где твой дом, откуда ты пришёл?

– Мой дом там, где и твой, великий император!

– Ты хочешь сказать, что пришёл вместе с нами? Но ты не похож на бойца моей армии, ты похож на сбежавшего раба, а рабу положено быть на привязи. Или может ты бежал из своей армии? На воина ты тоже похож, хотя шрамов на твоём теле не видно. Говори, кто ты, или я прикажу казнить тебя немедленно! – снова переменялся в лице император, а разум его начал наполняться гневом.

– Я никто, я – это Ты!

– Да как ты смеешь?! – закричал Амур. В нём снова проснулась злоба, подстёгиваемая непонятным страхом. Он поднял валявшуюся под ногами плеть и что было сил начал лупцевать незнакомца.

Тело было уже всё в кровотокающих ранах. Император продолжал наносить удары с ещё большей яростью. Человек продолжал сидеть, не производя никаких движений. Его тело каждое мгновение пронзала дикая боль, но он терпел, он не мог иначе. Иначе просто было нельзя...

Запахавшись, Амур остановился. Он тяжело дышал, глаза его были налиты кровью. Император подошёл к краю уступа и сделал несколько больших глотков воздуха. Постепенно мысли успокоились, он посмотрел на истекающего кровью человека, и на мгновение ему показалось, что он уже жалеет о том, что исполосовал этого сумасшедшего. – Хм, как странно всё... – Амур ясно отдавал себе отчёт, что сейчас испытывает порочные и паршивые чувства, но ничего не мог с этим поделать. – Старею, – пробормотал себе под нос правитель и усмехнулся.

Вдруг под ногами что-то хрустнуло, и кусок каменной породы полетел вниз. Император потерял равновесие и последовал за ним. Его сердце резко сжалось, дыхание перехватило. Одной рукой он успел ухватиться за край, пальцы соскальзывали, сил не хватало. Кто-то ухватил его за руку и мощным рывком втащил обратно.

Отдышавшись, он посмотрел на своего спасителя.

Сумасшедший стоял рядом. Его тело было почти полностью красным от крови. Светлые до того штаны, приобрели грязно-бурый цвет.

Полководцу вдруг стало не по себе. Он только что избивал этого чудака, а тот спас ему жизнь. Этот стыд заставлял императора злиться. Он не понимал, как ему реагировать. Он чувствовал себя уязвлённым и оскорблённым, наверное, впервые в жизни. – Уж лучше бы сорвался – в сердцах подумал правитель.

Прогнав сумасбродные мысли, Амур поднялся на ноги и как можно скорее поспешил покинуть уступ.

Спустившись со склона, он сразу же направился к ближайшему караульному, которые стояли по периметру всего лагеря, на расстоянии в сто-сто пятьдесят шагов друг от друга. Ноги на ширине плеч, у каждого за поясом было по два меча: один короткий и один длиннее, в руке копьё, остриём смотрящее в небо. Кожаные доспехи, кое-где отделанные бронзовыми пластинами, плотно обтягивали тело. На груди у каждого была вшита в одежду блестящая бляха с изображением дракона с оскаленной пастью.

Император, дойдя до ближайшего бойца, достал своё излюбленное оружие возмездия, и плеть рассекла лицо солдату. Боец тут же припал на одно колено и склонил голову перед своим правителем.

Амур схватил воина за волосы и направил его взор в сторону уступа, на котором продолжал стоять человек.

– Так, вы охраняете лагерь?! Что последний нищий может спокойно прийти и посмеяться над нами?!

– Что прикажет мой император!? – дрожащим голосом спросил солдат. – Пусть мой император прикажет смыть позор кровью, воину, недостойному его великого войска!

Амур отошёл от бойца, плюнул себе под ноги и направился в центр лагеря.

Солдаты сидели вокруг костров и вели размеренные беседы. Заметив своего предводителя, они быстро вскакивали на ноги, коротко кивали головой и снова присаживались к огню. Полководец, не обращая внимания ни на кого, прошел в центр лагеря, где стояло несколько больших шатров, покрытых бычьими шкурами. Откинув полог одной из них, он зашёл внутрь.

Люди, сидевшие у небольшого очага, обложенного по кругу камнями, тут же вскочили на ноги и коротко кивнув, уселись обратно, освобождая место своему правителю.

Перед ними стояли небольшие чашки, наполненные прозрачной, слегка зеленоватой жидкостью, от которой тонкой дымкой струился пар, и исходил нежный аромат трав.

– Великий Амур!– тоном, полным благоговения, произнёс один из генералов и указал на свободное место, протягивая ему глиняную чашку, наполненную только что, благоухающим отваром.

Император резким взмахом ноги вышиб питьё из рук подающего, ошпарив кипятком его лицо. Присутствующие тут же вскочили на ноги и попрыгали свои взгляды, уставившись в пол.

– Сыны змей! Предатели своего народа! – гневно закричал он на них.– Какие вы воины, если к нам свободно могут подобраться враги! Ты, Тариман, скажи,– ухватил он одного из них за грудки. – Ты первый день воюешь!? Ты во всех походах со мной, мы с детства вместе, ты ведь брат мой, и отец у нас один... – Амур отпустил его, присел к очагу и, несколько раз глубоко вдохнул.

Все молчали, не смея проронить ни звука, давая возможность императору успокоиться.

Тариман, которого Амур называл своим братом, таковым ему и приходился. Он был младше на три года. Высокого роста, хорошо подтянут. Острый подбородок скрывала чёрная как уголь борода. Слегка приплюснутый широкий нос и широкие скулы. Одежда у них была однообразная, за исключением того, что у Таримана на груди был изображён дракон, а у Амура – солнце. Хоть и были они детьми одной матери, но их сильно рознили глаза: широкие и большие у старшего брата и слегка раскосые у младшего. Это объяснялось тем, что их мать имела подобный вид глаз не редко встречавшийся у многих людей в империи. Да это никого особо и не волновало. Тариман был фанатичным приверженцем военного искусства и отряды, подчинявшиеся ему, считались элитой армии. Его блестящие умственные способности дали возможность быстро дослужиться до высокого чина и стать правой рукой императора. Их путь к вершинам власти пролегал разными дорогами. Тариман иногда в душе завидовал брату, считая несправедливым, что ему пришлось потом и кровью пробиваться наверх, а Амур унаследовал власть по старшинству. Хотя он и мог стать советником брата без особых усилий, но это не устраивало его. Тариману хотелось иметь настоящую власть и командовать сражениями на полных правах. Добившись своего, пройдя немислимые испытания, обучения и битвы он всё-таки стал хоть и вторым человеком в армии, но полноправным командиром.

Двух других генералов звали Сибур и Дэлун.

Дэлун был командиром лучников и части пехоты. Ростом пониже императора, пятидесяти лет от роду. Слегка грузное тело с небольшим животом, говорили скорей о его принадлежности к спокойной жизни и никак не выдавали в нём высокопоставленного военачальника и тем более бойца. Но это было заблуждением. Дэлун был прекрасным воином и имел немалую физическую силу. Помимо этого он был хитрым стратегом и вносил немалую лепту в ход сражений. Казавшаяся на первый взгляд словоохотливость Дэлуну была обманчива. Выводя собеседника на откровения, он без труда заставлял его говорить то о чём хотел узнать.

Последний из генералов, находившихся в шатре императора – Сибур. Довольно худощавый и жилистый, самый высокий из всех присутствующих. Голова его была практически вся седая, несмотря на то, что года его только перевалили за четвёртый десяток. Он был слегка замкнутым человеком. Всегда мало говорил, если его не спрашивали, а то и вовсе молчал по возможности. Скорее это было защитной маской, так как он не любил и не умел врать и отвечал всегда прямо, если того требовала ситуация. Развитый с детства аналитический ум, помог ему добиться самых высоких результатов в военном деле. Характер Сибура был жёсткий. Отличительной его чертой являлась честность, отчего иногда он сам и страдал. Не будь упёртым в собственных целях, жизнь его наверняка сложилась бы менее удачно. Врождённая смелость, так же сыграла на руку генералу. Он мало чего боялся, можно даже сказать и вовсе был бес-

страшным, но скорее это бесстрашие заключалось в анализировании ситуаций и их возможных последствий. В его подчинении находилась вся кавалерия и часть копейщиков.

– Что молчите?! – нарушил напряжённую тишину Амур.

– Великий император! Брат, тебя кто-то огорчил?! Скажи и он будет казнён! – после недолгой паузы произнёс Тариман.

– Тогда себя казни, ведь ты у нас отвечаешь за охрану лагеря, – уже почти безразлично ответил император.

– Амур, виновные будут наказаны тут же, только скажи! – Встрял в разговор Дэлун.

Правитель страны Красного Солнца пересказал вкратце произошедшее с ним, когда он гулял сегодня. К склону незамедлительно были отправлены бойцы, и вскоре загадочный незнакомец был доставлен в лагерь. Его руки были связаны за спиной крепкой бечёвкой, на шею накинули толстый аркан и привязали к дереву, выставив двух солдат для охраны.

Близилась сумерки. Человек сидел, привязанный у дерева с запрокинутой головой вверх. Его глаза были прикрыты, он размеренно дышал, иногда делая глубокий глоток воздуха и медленно выдыхая. Несмотря на раны, лицо его выглядело безмятежным, не отражающим какой-либо боли или страдания. Изредка его губ касалась лёгкая улыбка. Раны уже не кровоточили, они были покрыты бурой коркой. Некоторые, не особо сильные, напоминали о себе лишь красной линией, слегка взбухшей. Охранники молча стояли по обе стороны от пленника как каменные статуи, не производя ни малейшего движения. Казалось, они даже не моргали.

Лёгкой трусцой, лавируя между кострами и людьми, к ним подбежал боец.

– Великий Амур требует его к себе! – сказал он, кивая на пленника.

Один из караульных тут же отвязал веревку от дерева и на поводу повел пленника. Второй шёл сзади, подстёгивая ведомого остриём копья.

Солдаты, мимо которых проводили пленного, тут же обращали на него своё внимание и что-то живо начинали обсуждать.

У входа в шатёр стоял император и разглядывал вечернее небо, сложив руки на груди. Он коротко кивнул охранникам и те, отвязав от шеи веревку, но оставив связанными руки, отступили в сторону. Амур вошёл в шатёр, жестом пригласив за собой незнакомца.

Внутри размеренно горел очаг, от которого дым устремлялся в круглое отверстие в центре конусовидного потолка. Справа сидел Тариман, скрестив ноги между собой, потягивая из глиняной чашки горячий отвар.

Весь пол был устелен шкурами животных. Пройдя на противоположную сторону от входа, император опустился на своё ложе, взял чашку и плеснул в неё из небольшого накрытого крышкой горшка с носиком.

– Ты будешь говорить? – спустя некоторое время, спросил Амур.

– Что ты хочешь, чтобы я говорил? – ответил человек, продолжая стоять у входа.

– Присядь, не нужно стоять, когда перед тобой император! – буркнул Тариман.

Пленник сделал вид, что не слышит его, продолжая стоять на своём месте, за что тут же получил древком копья удар по ногам и против воли припал на колени.

– Тариман, пусть стоит, если ему так хочется. Он сумасшедший.

– Амур, он не уважает нас! Этот червь даже смотрит с презрением! – Тариман грязно выругался еле слышно и продолжил наслаждаться напитком, брезгливо поглядывая на пленника.

– Так ты будешь говорить? – с невозмутимым спокойствием вновь спросил император.

– Спрашивай, – коротко ответил незнакомец.

– Кто ты? Ты следил за нами? Ты служишь нашим врагам? Как твоё имя? Даже если ты раб, то имя у тебя все равно когда-то было, назови его. Ответишь на все вопросы, и я разрешу, чтобы тебя покормили. Или может ты лекарь? Я гляжу, раны твои заживают быстро.

– Благодарю за проявленную заботу обо мне, великий Амур! Я – человек. Если тебе нужно моё имя, то придумай его сам, я просто человек. Следить мне за вами незачем, я просто здесь!

– Где здесь? – не понял император.

– Дома.

– Ты живёшь в этих предгорьях?

– Если тебя интересует, где именно я живу, то странно, что задаёшь этот вопрос. Жил утром на уступе, живу сейчас в шатре твоём. Это очевидно.

Император начал раздражаться. – Тариман, проверь войско! – коротко приказал он брату, давая понять, что хочет остаться с пленником наедине.

Тариман недовольно вздохнул, нехотя поднялся и вышел из шатра.

– Ты жив лишь потому, что спас мне жизнь сегодня! – раздражённо, заглядывая в глаза пленнику, произнёс Амур. – Но это легко исправить и на рассвете ты будешь казнён, если продолжишь говорить непонятное мне!

– Я говорю правду, великий Амур. Что тебе непонятно, спрашивай.

– Как ты можешь жить в моём шатре, оборванец?! – возмутился император.

– Ты спрашиваешь, где я живу? Я же просто – живу. Я не могу где-то жить, а где-то не жить. Когда тело моё умрёт, тогда я не буду здесь жить. Но сейчас я живу в твоём шатре, ведь ты конкретно спрашивал – где я живу. Я ответил – здесь. Разве это неправда?

– Странно ты мыслишь. Просто – человек, просто – здесь...

– Да, Амур, это просто. В этом нет ничего сложного, но я понимаю твои муки. Понимаю, почему не можешь понять...

– Почему, тогда на уступе, ты сказал, что лишил меня возможности что-то решать? Я не ощутил этого, – перебил император.

– Если бы меня не было там, на уступе, то ты не полез бы вверх и не сорвался бы вниз, – ответил пленник.

– Но это я решил, лезть мне вверх или нет! Понимаешь, я решил, не ты!

– Ты заблуждаешься, Амур. Своим присутствием я вынудил тебя туда пойти. Потому что по-другому ты не мог поступить.

– Возможно, ты и прав, – Амур задумался на мгновение. – Значит, это ты виноват в том, что я сорвался, и я не обязан тебе ничем за своё спасение! – подвёл итог полководец и мысленно возрадовался своему выводу. Теперь не было никакой ответственности перед этим сумасшедшим. Не было той неловкости, которую он испытал, избежав смерти. Император был доволен. Настроение заметно улучшилось.

– А теперь представь, великий Амур, что это говорит лишь о том, что ты безволен, принимать какие-либо решения самостоятельно. Вся твоя жизнь – есть желание чужое, но никак не твоё собственное решение.

Амур снова задумался и нахмурил брови. Настроение быстро переменялось.

– Ты очень дерзок, просто человек! Сейчас тебя отведут обратно, а на рассвете, если я пожелаю, будешь казнён. Ты не раб, рабы так не могут говорить, ты пришёл из стана врага, я в этом уверен. Готовься к смерти и молись своим богам! Это моё решение! Ведь ты не мог за меня решить свою судьбу?! – император прищурился и хитро заглянул в глаза пленнику.

– Амур, другого решения ты принять не мог. Подумай, ведь я уязвил твоё самолюбие! А кто я, для тебя? Никто. А ты – великий император, которому указывает какой-то бродяга. Представь, что обычный солдат из твоей армии, вдруг придёт к тебе и станет говорить подобное. Что сделаешь с ним? Так что, это тоже не твоё решение. Это решение твоей страны, твоего отца, который поступил бы так же, твоего деда и прадеда. Это решение твоих обязанностей, границ законов существующих в твоей голове. Ты не можешь поступать по-другому. Ты не

знаешь, как по-другому! Поступив иначе, ты станешь непонимаем для них. Ты думаешь, что правишь всеми, но правят тобой. Ты – раб, Амур, не я!

Правитель резко вскочил со своего места, подошёл к пленнику, схватил за грязные волосы и со злобой посмотрел в глаза. – Нет, просто человек, ты глуп, и сказания твои глупы! Я решаю – что, где и когда должно произойти! И чтобы тебе было это ясно, разом отныне будешь ты, тварь! – Император швырнул человека на пол, вышел из шатра и приказал, дежурившим у входа солдатам, увести пленного.

Вдохнув полной грудью прохладного вечернего воздуха, вернулся обратно в шатёр. Второй раз за сегодняшний день он испытывал противное чувство, не в силах как-то на это повлиять. Почему он терпит этого оборванца? Император чувствовал себя униженным и оскорблённым. Злоба бурлила в его голове, заставляя виски сильно пульсировать. В некоторые моменты Амур вдруг осознавал, что сумасшедший прав и на душе становилось ещё тяжелее. Никогда в жизни он не был так растерян.

Вскоре злоба сменилась апатией. Императору ничего в этот момент не хотелось. Он лежал в одиночестве и сквозь потолочную дыру смотрел на далёкие звёзды, мерцающие на небосводе.

День близился к закату. Преодолев очередную гряду леса, огромное войско вышло на холмистую равнину, изредка усеянную небольшими низкорослыми кустарниками и казавшуюся бесконечной. Вплоть до горизонта, сколько хватало взгляда, не было видно ни намёка на ставший так ненавистным лес.

Солдаты заметно измучились, преодолевая нескончаемые буреломы и крупные заболоченные местности. Часть вьючных животных погибла при преодолении последнего препятствия, оказавшегося одним из самых сложных участков на пути.

Предводитель войска шёл немного в стороне и вёл на поводу своего коня. Рядом шествовали его военачальники. Немного позади, на коротком аркане, привязанном к сбруе лошади, вели пленника. Он по-прежнему был одет в одни только холщёвые штаны, торс оставался неприкрытым и, несмотря на прохладную погоду, на лице его не читалось никакого дискомфорта. Он шёл довольно бодро, казалось не испытывая никакой усталости. На фоне своих пленителей, человек выглядел хорошо отдохнувшим и полным сил, лишь лёгкая задумчивость изредка проскакивала на его лице. Он часто прикрывал глаза, а затем резко их распахивал и чему-то улыбался, глядя в бескрайнее небо.

Император пока не определился с конкретной ролью этого человека в своём отряде, но и отпустить его он не мог, справедливо полагая, что незнакомец посланник врагов. В иные моменты Амур порывался казнить его, но что-то останавливало, и он откладывал эту меру до следующего раза, полагая, что тот что-то скрывает. Император наверняка был уверен в том, что пленник знает эти края, и надеялся выпытать важную информацию от него. Некоторые попытки сделать это, успехом пока не увенчались. Пленник или отвечал молчанием или говорил непонятные вещи. Попытки, которыми поначалу пытались его разговорить, никакого результата не давали. Амур со временем привык к непонятным речам и уже не так сильно раздражался. Императору даже стало интересно слушать незнакомца. – В конце концов, рано или поздно я заставлю его говорить то, что нужно, – думал император. Ему особо некогда было возиться с подобными расспросами. Во всяком случае, пленник никуда не денется. Осень подстёгивала армию всё сильнее, торопя их успеть до морозов дойти до первого поселения.

Вдалеке показался высокий холм, тянувшийся длинной полоской вдоль горизонта, на котором просматривались редкие деревья. Амур запрыгнул на лошадь и резво сорвался с места. Его примеру тут же последовало близкое окружение. Вскоре полтора десятка всадников взобрались на вершину холма. По ту сторону раскинулась обширная долина. Внизу неторопливо текла небольшая река, на вид не особо глубокая, чему свидетельствовали каменные

валуны, торчащие из воды. Вода спотыкалась о них и создавала небольшой шум. На противоположном берегу шумела своими кронами небольшая лиственная роща. Чуть вдалеке ещё несколько похожих.

Амур молча смотрел вдаль, подставив лицо под порывы ветра и о чем-то думал. Он часто вспоминал родные края, казавшиеся в данный момент очень далёкими и даже нереальными. Несмотря на сильный характер, император всё-таки был в первую очередь человеком, и как любого человека его часто посещала тоска по дому. Это случалось всегда и во всех походах, которые ему удалось свершить за свои десять лет правления, с тех пор как умер отец от непонятной болезни. Мать умерла на год раньше при родах. Первые годы во главе империи казались адом. Иногда опускались руки, и он думал, что не сможет удержать столь огромное государство. Боялся совершить какую-нибудь непоправимую ошибку, которая нарушит баланс в стране и тогда всё начнёт рушиться. До этого он конечно же обучался всему, но тогда за спиной стоял отец и в случае неоправданных действий поправлял будущего императора. Только оставшись в одиночестве после смерти родителей, Амур полностью прочувствовал всю глубину ответственности. В те годы Тариман пытался сблизиться с братом и вклиниться в правление, но Амур быстро пресёк эти попытки. Тариман был очень импульсивным и дерзким человеком. Амур это всегда прекрасно знал и, принимая какие-либо решения, не особо доверял мнению брата. Тот был хорош в битвах, подготовке к сражениям, организации походов, но в вопросах жизни и устройства государства легко мог наломать дров. Амур и сам был слегка сумасбродным, но перед принятием ответственных решений старался всё хорошо обдумать.

Тариман побаивался старшего брата, по праву унаследовавшего трон. Воспитывались они в жесточайшей строгости, и каждый чётко знал свое место в этом мире. Так поступали их отцы и их деды, прадеды. По-другому было нельзя, иначе империя, создававшаяся многими веками, рассыплется, как фарфоровая чашка, ударившаяся о твердь. Может быть, когда-нибудь Тариман и станет императором в случае смерти Амура, но в подобном случае он и сам вряд ли останется жив. Смерть императора – это поражение, а поражение – это смерть всех. Во всяком случае, победители в живых не оставят никого. В рабство если только попасть, тогда жить будешь. Но рождённый править, воевать, участвовать в создании великих империй – рабом быть не может! Так полагал каждый воин страны Красного Солнца, так полагал и Тариман.

Император прикрыл глаза, сопротивляясь попыткам стихии выбить влагу из них. Высокие густые травы по ту сторону реки с шумом подавались в разные стороны, создавая своим шёпотом и движениями абстрактные картины в его воображении. Амур погрузился в безразличие ко всему миру. Он следил за каждым движением зелёного ковра и вслушивался в каждый шорох природы. На мгновение в сознание пришла непонятная тоска, скулы предательски свело. Ему вдруг показалось, что вся его жизнь пролетела очень быстро. Что он уже умер, а эта трава по-прежнему продолжает расти, несмотря на бесконечные попытки ветра склонить её. Нет, она ляжет всё равно. Снег одержит над ней победу. Но как только он растает, трава снова поднимется и будет продолжать свой шёпот, несмотря ни на что и будет смеяться над человеком, неспособным сделать подобное!

Правитель где-то в глубине души был удивлён своим мыслям, но это удивление не удавалось прочувствовать ясно. Оно как-то смазывалось и отходило на задний план, придавливаемое каким-то другим чувством, казавшимся сильным и важным, но так же быстро ускользающим при попытке это осознать...

– Брат мой, хорошее место для лагеря, – унёс голос из раздумий.

Амур резко встряхнул головой, прогоняя наваждение.

– Да, Тариман, хорошее... Где твои дозоры? Следов их не видно что-то.

– Скоро будут. О долине гонцы докладывали. Она небольшая чистая, никого здесь нет.

– А если бы были?! – нахмурил брови Амур, выдержал небольшую паузу и рассмеялся.

– Брат, ты нехорошо думаешь обо мне. Неужели я позволил бы тебе подставить свою грудь под оружие врага, не убедившись в безопасности?! Всё уже проверено до того, как мы вышли из леса. Ты же знаешь моих воинов...

– Знаю, Тариман, знаю...

– Скажи, брат, тебя что-то тревожит?– с опаской, пряча взгляд, спросил Тариман.

– С чего ты взял?– отозвался император.– Я уверен в нашей армии и в нашей скорой победе, как никогда. Вот доберёмся до Гари, и я знаю, что нам не составит труда склонить тот несчастный народ перед Великим Красным Солнцем! Наши дети, Тариман, будут благодарны нам и будут гордиться своими отцами, создавшими мощную и нерушимую империю!

– Я не об этом, Амур. После того, как мы пересекли хребет, ты стал каким-то странным. Даже сейчас, когда мы стояли над долиной, я видел выражение твоего лица. Прости меня, брат, но я видел в твоих глазах страх...

По маленькому отряду, находившемуся на холме, прокатился полный удивления и возмущения вздох. Даже первые военачальники в строю Империи никогда не слышали подобных речей в адрес своего правителя. Даже, несмотря на то, что обладателем этих речей был самый близкий и родной человек из его окружения, это было сродни вызову.

Лицо Амура налилось красками, в глазах вспыхнул гнев. Он выхватил плетёную из-за пояса и со всей силы ударил брата рукоятью по лицу. Кровь тут же хлынула из рассечённой переносицы. Император слегка замешкался, а затем снова последовали два удара. Тариман сидел с туго натянутыми поводьями на гарцующей лошади, и не смел сопротивляться или даже ретироваться. Он терпел, он знал, за что терпел, знал, что последует после его слов и теперь не смел даже просить о прощении!

– Кто ещё увидел страх на моём лице!?– закричал командир на своих подчинённых.– Ты, Сибур, может, видел, или ты, Дэлун?!

– Брат мой, я готов искупить свою вину перед тобой, как полагается воину, сомневающемуся в могуществе и смелости своего императора. Я не понимаю, почему усомнился...– пытался оправдаться Тариман.

– Великий император, мы... Ни один из нас, верно служащих тебе и процветанию империи, не можем усомниться в твоей смелости! – встрял генерал Дэлун.– Все устали от этого долгого похода, и вероятно Тариман видел на твоём лице лишь каплю усталости и ничего больше. Я служу тебе многие годы, и подобное просто не может быть. Ты встречался с врагами лицом к лицу и никогда не испытывал страха, так почему его тебе испытывать сейчас? Прости брата, Амур, он просто устал.

– Сыны змей! – уже слегка успокоившись, гарцевал император верхом на коне вокруг своих подчинённых.– Ни один воин в моей армии не может испытывать страха! Запомните – ни один!

Он убрал плетёную за пояс, и ещё раз окинул гневным взглядом всех.

Вскоре к холму подтянулось войско, напоминая о себе разномастным шумом.

– Сибур, команду войскам, ставим здесь лагерь,– коротко приказал император.

– Да, Амур,– ответил тот и, развернув коня, умчался вниз холма.

Амур слез с лошади, не спеша подошёл к спешившемуся брату и протянул платок,– Утрись... Нехорошо, когда твои солдаты будут видеть тебя такого.

Тариман взял платок и промокнул почти уже не кровоточащие раны на лице.

– Дэлун, отправь бойца за лекарем,– приказал Амур.

– Не нужно, брат,– перебил его Тариман,– что я за воин, если с каждой царапины буду к лекарю обращаться?

– Так ты хочешь сказать, что я ещё и слаб, что не могу нанести ничего кроме царапин?!– заглянул в глаза брата император, затем рассмеялся и похлопал его по плечу,– Ладно, Тариман, не держи зла на меня, только следи за тем, что говоришь и кому!– более серьёзно закончил он.

– Прости, Амур, устал я наверное, сам не понимаю, что говорю.

– Забудь! Подготовь лучше своих драконов, пусть хорошо разведают местность вокруг. Здесь останемся на несколько дней, все устали, воинам нужен хороший отдых. Страна Гарийцев наверняка уже близко...

– Брат, мои бойцы уже прочёсывают местность. Я дал указания ещё несколько дней назад, что как только выберемся из леса, должна быть полная разведка всей местности. Последний гонец, прибывший утром, сообщил, что пока никаких следов врага не обнаружено. Даже небольшие селения отсутствуют, не говоря о Гарийских городах.

– Я понял тебя, Тариман, ты знаешь своё дело лучше меня. Как только станет что-то известно, тогда решим. Давай лучше отдохнём, как следует, брат...

Множество костров, вокруг которых сидели солдаты, освещали долину. Кто-то спал, укутавшись одеждой, а кто-то негромко беседовал и потягивал ароматный травяной отвар, смакуя каждый глоток. В такие моменты любой напиток, даже самый противный на вкус, казался даром богов и согревал не только внутренности, но и успокаивал душу.

Прозрачное ночное небо мерцало миллиардами звёзд, добавляя умиротворения и успокаивая напряжённый мозг.

По всему холму, в одиночестве, на небольшом удалении друг от друга, неподвижно стояли часовые, внимательно вглядываясь и вслушиваясь в окружающую местность. Хоть они и устали порядком, но дело знали чётко и не позволяли себе расслабляться. Пройдёт немного времени, и их сменит следующая группа, а они отправятся к тёплым очагам, отдыхать и набираться сил.

У края рощи, почти в самом сердце долины, стоял императорский шатёр, из купола которого вверх поднималась тонкая струйка дыма. Рядом находились несколько палаток, чуть поменьше. У входа в каждую из них стояли хорошо вооружённые часовые. У каждого на поясе висело по два меча, а в руке копьё, смотрящее в ночное небо. К ближайшему дереву от императорского шатра был привязан человек и, облокотившись спиной об него, казалось, тихо спал.

Внутри главного походного дома, на небольших лежанках, сооружённых из шкур животных, вокруг очага сидели четыре человека и вели размеренную беседу, потягивая из глиняных чашек горячее питьё. Их лица излучали умиротворённость, иногда выдавая лёгкую блаженную улыбку.

– Амур, скоро холода придут, нужно поторопиться и успеть дойти до первого Гарийского города, пока белое одеяние не накрыло всю землю.

– Знаю, Дэлун. В этом лете не удастся завершить поход. Слишком много сил и времени ушло на длинный путь. Нужно захватить первый город и дожидаться скорейшего прихода весны. К следующим холодам мы должны быть дома. Кто-то останется в этих краях устанавливать закон великой империи. Часть рабов будут прокладывать путь из Гари в Красное Солнце, часть уйдёт с нами, – император отхлебнул из дымящейся чашки и на секунду задумался...

– Тариман, я решил, что тебе придётся взять местное правление в свои руки. Понимаю, что тяжело будет первое время, но оно того стоит, брат! Все эти земли будут наши, поверь, империя станет такой, какой её не видел ещё никто! Мы воспитаем из дикарей, которые живут здесь и не знают красоты и величия мира, достойных империи сынов и дочерей!

– Как скажешь, брат, но я думал, что останешься ты. Ведь кому, как не тебе знать, как править? Я всего лишь воин, не испорчу ли великое начинание? Всё-таки стоит наверняка дожидаться победы, а потом и решать. Мы не знаем этих людей, и мало кто бывал в этих краях, чтобы наверняка знать, что-то о них... – Тариман лукавил. Ему не было никакой выгоды оставаться во враждебной стране, пусть и побеждённой. По опыту он знал, что для того чтобы установить какие-то свои порядки, требовалось много сил и нужных действий, а это ему совершенно было неинтересно. Всё что он умел, это проводить военные операции и как ему казалось – править своей родной страной. В собственной империи никого не требовалось склонять и

ломать чью-то волю, а здесь можно и клинок под рёбра получить если зазеваешься. Тариман жил по принципу – пришёл, завоевал, ушёл дальше завоёвывать. Из пепла строить очередную колонию империи, не вызывало у него никакого энтузиазма. Будь его воля, он бы полностью лишил боеспособности побеждённую сторону, уводил рабов, трофеи и не более.

– Не спорь, Тариман, мы слишком рискуем. Империя осталась под присмотром Варга, а он слабовольный и мягкотелый юнец. Даже отец иногда стыдился его и всегда говорил, что лучше бы родилась дочь и нам сестра, вместо этого слюнтя в мужском обличии. У него даже глаза узкие, не говоря об остальном. Ну а в случае поражения, нам и вовсе не придётся думать. Нечем будет...

– Амур, но и у меня похожие глаза, однако я не мягок духом. Мудрецы говорят, что это признак мудрости. Широкий взгляд не нужен такому человеку, он всё видит не глядя!

– Ты, Тариман, хочешь сказать, что я глуп и необразован? Ведь глаза у меня не узкие, как у вас, они обычные. У Сибура обычные, но мало кто сравнится с ним в умении правильно мыслить. Плюнь в лицо своим мудрецам!

– Успокойся, брат, просто ты сын нашего отца и впитал всю его силу и величие, а мы с Варгом всего лишь дети нашей матери, поэтому и похожи, – лстиво ответил Тариман, неспешно надраивая куском войлока бронзовую нагрудную бляху с изображением дракона с оскаленной пастью, извергающим пламя.

– Э-эх, Тариман, любишь ты красивые речи говорить. Как змея другой раз извиваешься. Ты даже змею себе на грудь повесил и всем своим воинам...

– Брат, ты ведь знаешь, что это наш символ мощи, он был на знамёнах нашего прадеда и деда. Это хитрость, Амур! Без неё разве можно было бы побеждать врагов? Это основа моих солдат, ведь благодаря их службе, мы знаем, что и где происходит. Они охраняют твой покой и твою жизнь...!

– Вот символ мощи! – ударил себя в грудь император, на одеждах которой в отблесках пламени красовалось вышитое золотыми нитями солнце с множеством лучей. – Скоро это надоест и я сорву с вас всех этих тварей.

– Я не спорю, брат...

– Всё, Тариман, я устал! Оставь свои речи для них, – кивнул он на сидевших рядом генералов и тихо слушавших спор братьев.

Амур поправил шкуру под собой, опрокинулся на спину и уставился в потолок, заложив руки за голову.

– Прекрасных снов тебе, великий император! – поднялись со своего места генерал Дэлун и генерал Сибур.

– Отдыхай, брат. Мы все устали, нужно отдохнуть, – Тариман спрятал за пазуху свою чашку и последовал к выходу.

Оставшись в одиночестве и почти полной тишине, за исключением потрескивающего костра, правитель прикрыл глаза и попытался уснуть. Последнее время его голова была наполнена множеством непонятных вопросов, которые он сам с трудом понимал.

Амур некоторое время ворочался с боку на бок. Сон не спешил. Намучавшись, он поднялся, умылся из бронзового блюда, стоявшего рядом, и поспешил выйти на улицу.

Ночь была прохладная. Полная луна и зарево множества костров в низине давали возможность более-менее видеть окружающее пространство. Заложив руки за спину, император размеренно расхаживал взад-вперёд вдоль кромки роци. Иногда он запрокидывал голову и с открытым ртом рассматривал звёзды. Стоял так некоторое время, затем снова начинал вышагивать до следующей остановки.

Вскоре он обратил свой взор на привязанного к дереву человека. Не спеша, император подошёл к нему и некоторое время, молча, смотрел на спящего полуголового пленника.

Амур размышлял над тем, что легко может казнить его и всё. Или взять да отпустить на все четыре стороны, пусть идёт своей дорогой. Но в итоге приходил к выводу, что не может поступить никак. Император чувствовал где-то в глубине души, что пленник не так прост, как кажется. Да что уж там говорить – пленник за эти дни, что находился рядом, стал настоящей загадкой, одновременно и отталкивающей и притягивающей. Иногда это страшно раздражало. Однозначно император понял лишь одно: врагом этот чужак не являлся точно. Но подобные мысли он держал при себе, не желая их выносить на суд своих приближённых соратников.

– Кто же ты все-таки? Просто человек, просто здесь... – бормотал император себе под нос.

– Да, Амур, всё просто, – внезапно пленник распахнул глаза и заговорил, отчего полководец вздрогнул, застигнутый врасплох.

– Всё намного проще в этом мире, чем ты себе представляешь!

– Ты, как мой брат – говоришь непонятно, иногда красиво и лживо! – выпалил император.

– Ты считаешь, что я говорю неправду?

– Возможно. Хотя это скорее помешательство. Я пытаюсь вспомнить и, кажется, что где-то видел тебя, уж больно знакомое лицо, а память у меня хорошая. Скажи, раб, ты родом из Гари? Хоть на этот вопрос ответь.

– Да, Амур, мой род из Гари, – пленник задумался на мгновение. – Странное какое имя ты дал ей.

– Значит, ошибаюсь или ты лжёшь, в Гари я не был, и видеть тебя не мог. А как вы зовёте свою страну? У неё есть другое название? – спросил император.

– Никак не зовём. Для чего ей как-либо зваться и делиться на кусочки? Ведь она одно целое и неделимое. Это наш дом, Амур!

– Не понимаю тебя. Ты говоришь о Гари?

– Да, о ней и не только, а обо всей земле. Зачем её делить, она ведь едина.

– Всё равно не понимаю. Пусть она что-то там целое, но вы же как-то руководите процессами в государстве? Ваши города, должно быть, одни крупнее, какие-то меньше. Управление как происходит? Название – это, пожалуй, одна из главных вещей. Не будь в моей стране имён городов, я не понимал бы, как вести учёт этих городов, людей, в них проживающих, сбора налогов. Происходил бы бардак. Не было бы той великой империи, которая есть сейчас. Это всё должно чётко делиться и как-то обозначаться, иначе страна ослабнет и вымрет, либо станет добычей более сильного соседа!

– У нас такого нет, Амур. Каждый человек волен делать то, что ему хочется. Мне сложно объяснить тебе, император, очень сложно. Ты говоришь странные вещи. Как можно отобрать, завоевать у самого себя, в чём смысл?

– Что значит – у самого себя? – император подошёл поближе к пленнику и присел рядом.

– Амур, говорю ведь, что всё едино, абсолютно всё, а мы забываем об этом и пытаемся делить. Ты яблоко возьми, к примеру. Если его поделить пополам, станет ли одна половина не яблоком?

– Будет две половины яблока, – ответил правитель.

– Но они ведь будут продолжать быть этим самым яблоком? В них что-то изменится? Сок в обеих половинках будет тот же, вкус тот же.

– Иной раз мне кажется, что говоришь ты мудро, просто человек, а иной раз думаю: зачем слушаю твой бред? – император глубоко вздохнул и погладил свою коротко стриженую бороду.

– Вот и я не понимаю, Амур, зачем вы всё делите, – пленник откинул голову к стволу дерева и прикрыл глаза. – Мы стали, как то самое сорванное яблоко. Поделили себя пополам, затем ещё раз разрезали, и теперь каждый кусок стремится отобрать живительную влагу у соседнего куска, не понимая, что все они – есть один некогда целый плод, небольшой, может быть даже незначительный, но целый. И родитель у этого плода один, который в свою очередь является частью иного. Но мы так же не можем понять, что этим самым родителем являемся

сами! Цель плода – дать новую жизнь! Вся его мощь заключена в маленьких семечках, которые вырвутся на свет после того, как война будет окончена и дадут ростки новой жизни. И ничего не останется от этого яблока. Его война с самим собой ничего не даст, кроме того, что может повредить семена, и тогда жизнь прервётся. Но ты, Амур, не воспринимай это буквально, у яблока конечно же иная цель, например, накормить тебя и меня...

Император поднялся на ноги, запрокинул голову к небу и, что было сил, громко захотал.

Из палатки неподалёку тут же выбежал человек, озираясь по сторонам.

– Что-то случилось, мой император? – быстрым шагом подошёл он к своему полководцу.

– Нет, Сибур, всё прекрасно, – сквозь смех ответил Амур.

Наконец отсмеявшись, он сделал несколько глубоких глотков воздуха.

– Тебя наверняка изгнали из твоей страны, чтобы не позорил род свой, – правитель махнул рукой. – Можешь не отвечать, я бы тоже изгнал, хотя нет, ты стал бы сочинителем при моём дворе, мне нравятся такие истории.

– Сибур, прикажи пусть дадут ему еды и одежду, он заслужил, – коротко приказал император генералу.

Амур развернулся и быстрым шагом удалился к себе в шатёр. В слегка приподнятом настроении он довольно быстро уснул.

Глава 5

– Брат! – с криком вбежал в шатёр Тариман. – Нашли... нашли...!

Амур поднялся с постели, зачерпнул пригоршню воды из блюда, стоявшего рядом, и ополоснул сонное лицо.

– Нашли Гариийцев! Прибыла разведка на восходе. Дней десять в сторону заката поселение стоит, крупное довольно. Воины мои говорят, что почти на каждом холме дома стоят. Дома огромные, не бедствуют видать Гариийцы. Эх, брат, что же тогда в городах творится!

– Ты здоров, Тариман? – император заглянул в глаза брату.

– Здоров, как никогда! – удивился тот.

– Тогда что раскудахтался, как баба?! Или первый раз в поход идёшь?

Тариман протёр лицо руками, тяжело вздохнул и присел поближе к очагу в центре шатра.

– Устал я Амур, все мы устали. Столько поход этот длится, сколько лет мы шли к этой цели? Как же тут не радоваться? Я в иные моменты уж сомневаться начинал – существует ли Гария на самом деле или хоть что-то подобное.

– Не стоит ликовать раньше времени, Тариман. Радоваться будем, когда с победой вернёмся домой.

– Да, брат, ты прав. Позволь узнать – зачем ты отпустил того сумасшедшего?

– Куда отпустил? – не понял император.

– Мои драконы его задержали вольным в лагере и страшающим умы наших воинов. Некоторые сказывают, что он говорил про тебя жуткие слова. Утверждал, что все мы погибнем, если не повернём обратно. Я лично слышал это.

– Хм... – Амур задумался на мгновение, затем резко поднялся со своего места и направился к выходу. – Пошли, Тариман, где он?! Если это правда, я собственноручно отсеку ему голову! Веди!

– Я приказал его убрать подальше от лагеря, – Тариман вышел из шатра вслед за братом. Снаружи их уже ждали Сибур и Дэлун. Они коротко кивнули императору и последовали вглубь рощи, куда повёл всех Тариман.

Процессия из четырёх человек, шустрой змейкой лавировала между деревьев. Вскоре они вышли на небольшую полянку со старым дубом в центре, к которому и был привязан пленник. Он сидел со связанными за спиной руками и притянутой вплотную к стволу дерева, головой. Лицо его напоминало кровавое месиво. На голом торсе не было живого места. Всё было в кровоподтёках и ссадинах. Светлые волосы теперь были бурые и слипшиеся от крови. Пленник пытался открыть глаза, но заплывшие веки не давали этого сделать.

Амур махнул рукой и двое охранников, стороживших сумасшедшего, отошли в сторону.

– Тариман, да тебе бы в палачи, – произнёс император.

– Я воин, брат! – с некой обидой ответил Тариман.

– Эй, просто человек, – слегка повысив голос, склонился император над пленником. – Ты жив ещё?

Человек слегка приоткрыл рот, и из горла вырвался булькающий хрип.

– Как же его теперь допрашивать? – с растерянным видом повернулся император к своим подчинённым. – Тариман, он что-нибудь сказал тебе?

– Ничего, ни одного слова не удалось выгащить из его уст, несмотря на все старания моих людей. А старались они, поверь, хорошо! Я проверил верёвки, они были разрезаны. Кто-то помог ему или же....

– Да отрубить ему голову и всё!– презрительно бросил генерал Дэлун и плюнул в пленника.– Слишком много чести его персоне. Мой император, он отвлекает нас от более важных дел!

– Да, брат,– перебил Тариман. – Сумасшедший не так прост, как кажется. Вместо того чтобы готовиться и выступить в поход, мы тратим драгоценное время на него. Сдаётся мне, что он не просто так здесь, а дабы отвлечь от главного. И все мы слышали, как он нынешней ночью пытался посеять смуту в умах солдат.

– А ты что скажешь, Сибур?– обратился император к молчавшему до того генералу.

– Как решишь, великий Амур, так и будет! – с неким безразличием ответил Сибур.

– Казнить его! – снова встрял Тариман.

– погоди, Тариман. – правитель вытащил меч из ножен и сделал шаг в сторону пленника.

– Эй, просто человек, говорить будешь или, молча, смерть примешь? Кто тебя отпустил, зачем ты здесь?

Заплывшие веки пленника стали дергаться. С каждым мгновением эта дрожь нарастала всё сильнее, и вскоре опухоль начала постепенно пропадать. Синева вокруг глаз приобрела более светлый оттенок.

На лицах изумлённых присутствующих появилось удивление вперемешку с мистическим страхом.

– Он ещё и демон, брат!– крикнул Тариман и, выхватив у рядом стоявшего солдата копьё, замахнулся.

– Стой!– Амур быстрым рывком руки ухватился за древко.

Пленник вдруг резко распахнул глаза.

До того тихая безветренная и безоблачная осенняя погода стремительно стала меняться. Кроны деревьев зашумели. Вой ветра становился с каждым мгновением более оглушающим. Окружающее пространство потемнело от набежавших низких туч.

Император и его подчинённые стояли как вкопанные, не в силах пошевелиться. Все они ощущали противный дикий страх, внезапно пришедший из ниоткуда. Они смотрели в глаза пленнику, не имея возможности отвести взгляд.

Ветер стих так же внезапно, как и появился. Природа слегка успокоилась, и лишь редкие капли дождя упали на землю.

– Ты, Амур, действительно хочешь получить ответы на свои вопросы? – утробным голосом, еле шевеля губами, произнёс незнакомец.

Император, кое-как совладав с собой, нервно кивнул. Он хотел было что-то сказать, но язык не слушался, будто онемел и лежал мертвым грузом во рту, не реагируя на поутуги своего обладателя.

– Прости, Амур, меня! Прости всех тех, кто сейчас с тобой рядом, воинов своих прости. Себя и брата своего прости! Мне жаль, что так выходит, видимо по-другому никак...

– За что мне их прощать? Как всегда, ты говоришь непонятно,– наконец, обретя возможность говорить, спросил император.

– Это тебе решать, Амур,– пленник вдруг закатил глаза и засмеялся.

– Тварь! – с безумным криком Тариман, до того стоявший в оцепенении с копьём на изготовку, со всей силы швырнул его. Оно с лёгкостью вошло в тело, чуть выше солнечного сплетения, с тихим хрустом пробив грудную клетку.

Пленник перестал смеяться. Из горла вырвался короткий хрип, хлынула кровь изо рта, заливая и без того красное тело. Амур бросился к сумасшедшему и стал трясти, ухватив за плечи.

– Говори!– кричал император, заглядывая в почти безжизненные глаза.

– Я всё сказал, Амур,– захлёбываясь кровью, ответил пленник,– И когда ты выполнишь последнее, ты узнаешь всё. Всё то, что так хочешь знать, но что так старательно пытаешься забыть!

– Что? Что...– тряс император безвольное тело.– Кто тебя послал?!

Человек посмотрел ему в глаза и улыбнулся. – Всё, Амур, всё...!

Император вдруг захотел отвести взгляд в сторону, но ничего не выходило. Казалось, пленник держал правителя за душу крепкими клещами. Казалось, он выворачивал его душу наизнанку. Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Непонятный стыд, непонятно за что, накатил сильной волной на разум. В очередной раз противное чувство было связано с этим сумасшедшим.

–Что значит – выполнишь последнее?! – не унимался правитель.

Просто человек запрокинул голову вверх и с сильным хрипом выдохнул, не вдохнув больше ни разу.

Мёртвые, остекленевшие глаза смотрели в небо. В их отражении, как в зеркале, качались кроны деревьев, а на окровавленных губах застыла лёгкая улыбка.

Где-то неподалёку послышался вой волков, вскоре к нему добавились звуки и других обитателей здешних мест. Мощный, полный боли рёв медведя, раздался где-то совсем рядом. Казалось животный мир, затаившийся после прихода человека, вдруг резко ожил и дал о себе знать десятками и сотнями разных звуков. В этих голосах чувствовалась боль, отчаяние и не присущая зверю ненависть.

– Тариман, я же сказал – не трогать! – гневно посмотрел император на брата.

– Но он демон! – раздражённо ответил Тариман. – Он хотел твой разум затуманить, брат! Ещё бы немного времени, и он наверняка высушил бы ясность твоего ума и превратил бы в своего раба. Это не человек...

– Я здесь решаю, кто демон, а кто нет! – ответил Амур и с размаха ударил Таримана по лицу тыльной стороной ладони, развернулся, поспешив покинуть поляну. Уже почти скрывшись в зарослях, император остановился, обернулся, и казалось, с ноткой сожаления, посмотрел на безымянного человека, продолжающего улыбаться мёртвой улыбкой.

Сибур и Дэлун молча поглядывали то на Таримана, то вслед своему правителю.

– Совсем из ума выжил,– еле слышно произнёс командир драконов, когда правитель окончательно скрылся из виду. – А вы что молчите?! – рявкнул он на генералов. – Неужели не видите, что этот сумасшедший лишил разума нашего императора?! Если так дальше продолжится, ни о какой победе не может быть и речи.

– Император уже не тот...– Задумчиво ответил Дэлун.

Тариман кивнул и вопросительно взглянул на Сибура. Тот отрешённо смотрел на мёртвого пленника и о чём-то напряжённо размышлял.

– Сибур?!

– Да, Тариман!

– Сибур, что ты думаешь об этом?

– О чём?

– О том, что наш император стал жертвой этого демона,– Тариман кивнул на безжизненное тело.

– Я ничего не думаю, Тариман. А вот ты, ненужные речи говоришь! Я буду считать, что не слышал их.

– Думай, как хочешь, но смотри не ошибись! – раздражённо произнёс Тариман.

Сибур ничего не ответил и, не медля, покинул поляну.

Солдаты спешно собирали вещи, тушили костры. Раннее утро было безоблачным. Солнце неспешно поднималось из-за горизонта, прибавляя чуточку радости уставшим бойцам.

Амур стоял на опушке рощи и наблюдал за приготовлениями к серьёзному броску, который по заверениям разведчиков, должен был увенчаться достижением первого поселения страны Гарицев.

Бессонная ночь, не прошла даром и отражалась на лице императора усталостью. Всю ночь он размышлял, спорил сам собой. Сумбурные мысли не дали уснуть ни на мгновение. Думал император в первую очередь о пленнике. С момента появления того в лагере, правитель не раз задумывался над словами сумасшедшего, а с момента его смерти, Амур и вовсе приуныл. В память правителя врезалась каждая деталь, каждый миг, когда пленник смотрел в его глаза. Амур чётко осознавал, что в тот момент он понял что-то важное, но как только взгляд пленника остекленел, память императора захлопнула все двери, оставив лишь непонятную тоску.

Он жалел, что допустил его смерть. Загадка незнакомца, стала ещё туманней, но от того ещё навязчивей. С детства пылкий ум императора, давший ему силы сохранить и преумножить власть своих предков, теперь, казалось, вредил. Амур понимал, что жажда открыть завесу тайны пленника, в данном положении очень была некстати. Так же Амур понимал, что утверждая неоднократно о безумстве незнакомца, лукавил. Тот мог быть кем угодно, но не сумасшедшим... – Данный вывод был сделан нынешней ночью, и вывод этот был против императора, что он тоже прекрасно осознавал. Правителю не давали покоя предсмертные слова пленника. Что тот имел в виду о свершении последнего?

Войско уже давно стояло в огромном строю, за исключением нескольких отрядов, обеспечивающих наблюдение по всему периметру холма долины. Все ожидали отмашки главнокомандующего, но тот не спешил.

Амур сделал пару шагов в сторону рощи и скрылся из виду. Быстро преодолев густые кустарники, он оказался на месте. Император неохотно согласился сам с собой, что не может уехать, не взглянув ещё раз на незнакомца.

Он осторожно ступил на небольшую полянку с раскидистым дубом в центре и замер. Вокруг валялись короткие обрывки от верёвки и больше ничего. О вчерашней казни напоминала только засохшая кровь на опавшей листве. Амур обошёл поляну и внимательно осмотрел её. Верёвка не была перерезана, она была разорвана на множество мелких кусков.

– Хм... Просто человек, Просто здесь ...! – Бормотал себе под нос император. – Всё не так уж и просто, как ты утверждал...

Сделав глубокий вдох, Амур быстрым шагом отправился прочь.

– Брат, войско ждёт, – услышал император, как только вышел из рощи.

– Знаю, – коротко ответил правитель, взяв повод у ожидавшего рядом солдата и, взобравшись в седло, сделал отмашку сигнальщикам.

– А не знаешь ли ты, Тариман, куда подевалось тело сумасшедшего?

– Нет, мой император, но полагаю, что его растерзали голодные звери. Ты сам наблюдал их буйство в тот день.

– Может ты и прав, – задумчиво произнёс правитель. – Пришли ко мне солдата, которому принадлежало копье.

– Зачем, брат?

– Хочу взглянуть на него.

– Как скажешь.

Амур ехал позади войска. Тариман, часто находившийся рядом во время переходов, на этот раз отсутствовал. Он был занят приготовлениями к важному удару по врагу и делал всё возможное, чтобы разведка была максимальной. Генерал Дэлун ехал во главе своих лучников, и лишь Сибур находился рядом с императором.

Армия двигалась до самого вечера без остановок. Когда сумерки уже стали превращаться в непроглядную темень, была дана команда, устраиваться на ночлег.

Костры никто не жёг, войско вело себя тихо. Хотя по данным разведки, до селения было ещё прилично, но осторожность не помешает.

– Мой император, разреши!?

Амур кивнул, и боец вошел в шатёр, запахнув за собой полог. Он опустился на колени у входа и присел.

– Мой император, генерал Тариман приказал мне прибыть к тебе. Моим копьём был убит тот человек.

– И где же оно?

– Прости меня, великий император, но Тариман сказал, что оно должно остаться в теле демона, так как было опорочено его мерзким телом!

– То есть, ты хочешь сказать, что копьё осталось в теле убитого?

– Да.

– Свободен, – коротко бросил император.

Боец резко вскочил на ноги и поспешил удалиться.

Амур задумался. Сидевшие рядом генералы, пристально уставились на своего правителя, продолжая потягивать ароматный напиток, испускавший тёплый пар.

– Тариман, скажи, копьё тоже растерзали звери? – наконец произнёс он.

– Я не могу знать этого, брат. Копьё оставалось в теле сумасшедшего демона, когда мы покидали то место. Дэлун может подтвердить.

– Тогда куда оно делось? – вопросительно посмотрел правитель на своих подчинённых.

– А что, если копьё звери утащили, слизывая кровь, – встрял Дэлун. – Ведь на нём было много крови.

– Возможно, ты прав, Дэлун, но кто-нибудь раньше видел, чтобы зверь таскал с погибших оружие?

– Может здесь зверёе безумное, как и этот сумасшедший демон?

– Тариман, почему ты так уверен, что он демон?

– Но ты сам видел, брат!

– Что видел? Я видел, может быть, безумца, но всё же человека, пусть и странного.

Брат правителя раздражённо хмыкнул и, плеснув себе в чашку горячего напитка, дал понять, что не хочет больше отвечать на глупые вопросы. Это было сродни вызову. Амур это понял, но не стал реагировать. Он заметил, что за последние дни Тариман замкнулся и стал раздражительным. Он чувствовал, что между ними появилось напряжение. Оно и раньше всегда было, что в принципе нормально, так как один был у другого в подчинении. Но сейчас раздражение Таримана чувствовалось как-то иначе. Оно приобрело оттенки скрытой злобы. Амур сначала подумал, что брат злится на него за тот удар по лицу в роще на поляне, но ведь раньше он лупил его намного сильнее...

– Я устал, брат, завтра день непростой, – Тариман поднялся со своего места, коротко кивнул и покинул шатёр.

– Приятных сновидений тебе, мой император! – произнёс Дэлун и, следуя примеру Таримана, отправился прочь.

Сибур убрал чашку за пазуху и неторопливо поднялся.

– Постой, – сказал правитель, – ты всегда молчишь, Сибур, почему? Не бойся, я не буду на тебя гневаться, скажи только, что ты думаешь? Только говори честно, не лги и не лукавь мне в угоду.

– Ничего я не думаю, Амур. Не знаю, что думать. Я воин!

– Я же сказал, Сибур, не лукавь! Забудь, что я твой император.

– Прости, Амур, но я действительно не знаю, что сказать тебе.

– Ты тоже думаешь, что он демон?

– Нет.

– Можешь идти, – кивнул император.

Генерал поднялся и, сделав шаг к выходу, обернулся. – Амур, знай, что я не предаю тебя, ты великий правитель, мудрый правитель!

– Иди, Сибур, отдыхай...

Стремительно вынырнув из-за невысокой гряды холмов, армия страны Красного Солнца неслась в сторону горизонта. Никто из солдат не производил ни звука голосом, лишь топот лошадей и пеших воинов создавал дрожь земли. У горизонта виднелись выглядывающие из-за деревьев крыши домов. Из разноцветных пятен, по мере приближения, они приобретали очертания. Просторное поле заканчивалось, и всё чаще то тут, то там по разные стороны на пути появлялись перелески. По левую сторону на возвышении вдалеке стояла огромная стена дремучего леса.

Кавалерия, двигавшаяся впереди всего войска, начала сбавлять обороты, постепенно перейдя на шаг. От неё отделялись небольшие отряды и рассредоточивались по местности.

– Не лучшее место для захвата. Тариман, кто у нас на той стороне?

– Несколько отрядов моих драконов. Ещё со вчерашнего дня обошли, ждут команды.

– Сибур, Дэлун, лес оцепили? Никто уйти не должен!

– Амур, всё перекрыто. Лучники выставлены во всех возможных местах бегства, нам лишь остаётся войти, – отрапортовал генерал Дэлун.

Сибур коротко кивнул в подтверждение.

Правитель не боялся сопротивления, так как его просто некому было организовывать. Разведка установила, что ни вооружённых солдат, ни тем более чего-либо похожего на войско здесь не было. Но важным было, не упустить ни одного человека, который мог разнести весть о нападении, тем самым подготовить армию противника к отражению. Рано или поздно это конечно все равно произойдёт, но чем позже, тем лучше.

Оказавшись на просторной поляне, взору предстало небольшое насаждение кустарников и редких деревьев, за которыми, немного в отдалении стоял дом. Император поднял руку вверх, и все остановились. Дом был довольно большой и необычайно красивый. Множество деталей, вырезанных в деревянных элементах отделки, буквально завораживали своей красотой. Некоторые были разрисованы в различные цвета, начиная от светло-голубого и заканчивая тёмно-красным.

Процессия во главе с императором на мгновение замерла от неожиданности. Правитель страны Красного Солнца предполагал увидеть что угодно, но не подобное среди обычной деревни, спрятавшейся на краю света.

В проходе, ведущем к дому, меж двух высоких елей стоял старик с пепельно-белыми волосами и такого же цвета бородой. Из одежды на нем была свободная рубаха, подпоясанная широким разноцветным поясом и простые светлые штаны. В руках он держал плетёную корзину, наполненную доверху огромными красными яблоками. Старик со спокойствием на лице поглядывал на гостей и слегка шурился.

– Вот, отведайте с дороги, – хриплым голосом произнёс он и поставил корзину на землю.

– Ты старейшина этого селения?! – строго спросил император.

– Как скажешь, – ответил старик.

Амур вопросительно посмотрел на него. Тариман слегка подстегнул коня и, подъехав к старику, хорошо размахнувшись, ударил плетью. – Великий император задал тебе вопрос! – гаркнул командир драконов.

Из раны на лице потекла кровь, быстро превращая пепельный цвет бороды в красный.

– Нет, я не старейшина, но если вам так нужно, то могу им быть, – сохраняя невозмутимое спокойствие, ответил он, утирая лицо.

– Ты насмеяться вздумал!? – вновь крикнул Тариман. – Кто у вас здесь главный?!

– Главный?

– Да! Кто здесь правит?

– Что делает?

– Брат, он смеётся над нами, – повернулся Тариман к императору.

– Кто в вашем селении главный человек?! – сквозь зубы процедил Тариман.

Гариец задумался на мгновение.

– Прости, меня, путник, но у нас нет главного человека, – растерянно ответил старик. – Возможно, если вы поищите в другом месте, то найдёте его. Я о таком не слыхивал.

Тариман убрал плеть, вытащил из-за пояса слегка искривлённый меч и ударил старика по шее. Тот, пошатнувшись, медленно повалился, уткнувшись лицом в землю. Из разрубленной шеи фонтаном хлестала кровь, заливая всё вокруг. Некоторое время тело дёргалось в конвульсиях и вскоре затихло.

– Тариман! – крикнул император. – Зачем ты его убил?! Следующий раз, прежде чем сделать подобное, хорошо подумай! Мы несём послание и свет великой империи и должны достойно себя вести, не уподобляясь степнякам, которые грабят ради наживы, а не ради того, чтобы принести процветание в дикие страны! Запомни это, брат, а то гляжу, ты безумство привечаешь в голове своей!

– Мой император, но он бесполезен и болен умом, неужели ты не видишь?!

– Я лишь вижу, что умом начинаешь болеть ты, Тариман!

Командир "драконов" сверкнул недобрый взглядом на брата, что-то буркнул себе под нос и, подстегнув лошадь, скрываясь прочь с глаз императора.

– Дэлун, Сибур! Всех собрать в одном месте.

– Всё уже выполняется, великий император! – Ответил Дэлун, склонив голову в поклоне.

– Я знаю, но если ваши подчинённые командиры такие же, как и этот. – Амур кивнул в сторону, куда уехал Тариман. – Коли тронулись умом, то в живых никого не останется. Сами потом будете прокладывать путь из Гари!

Вопреки ожиданиям, паники среди населения не было. Этого населения самого практически не было. Как обычно бывало в городах и поселениях, которые приходилось завоевывать ранее – всё было, как на ладони, а здесь иначе: дома находились друг от друга на приличном удалении, что было крайне неудобно. Ручьи, холмы и рощи между ними добавляли неудобства ещё больше. Нет, оно может быть и удобно, но не для быстрого захвата. Всё это напоминало большой лабиринт. Ближе к лесу находились пару домов, не так далеко расположенных друг от друга, а рядом в глубокой низине текла полноводная быстрая река. На том месте и решено было основать временный лагерь и сбор людей.

Селение было взято в максимально крепкое кольцо, не давая никому шанса ускользнуть. Часть воинов прочёсывали окрестности. Бойцам оставалось лишь проверить всё, собрать людей в одном месте и по возможности не допустить кровопролития. Планы были совершенно иные.

Постепенно, к берегу реки, на самое открытое место, начали сгонять связанных людей, приводя по два-три человека из разных сторон.

Амур стоял у обрыва реки в ожидании, когда зачистка будет закончена. Доклады о положении дел слегка удивили императора. За время так называемого захвата не было ни одного сопротивления со стороны Гарийцев, но и это не так удивляло, как полное отсутствие какого-либо оружия. Пленных набралось не более двух десятков, хотя по количеству домов их должно было быть как минимум втрое больше. Пару стариков, три пожилых женщины, пятеро ребятшек, не старше десяти лет обоих полов, и несколько мужиков, может чуть старше сорока. Все они не производили ни звука, не разговаривали между собой, и, казалось, вовсе не были напуганы.

Император слез с лошади, подошёл поближе к пленникам, сидевшим в кругу на земле, со связанными за спиной руками.

– Скажи, добрый человек, почему ты так несчастен? – поднялся со своего места один из пленников, за что тут же получил сильный удар древком копья по ногам от одного из солдат, стоявших рядом.

– Сидеть! – закричал тот. – Великий император не разрешал тебе говорить, тварь!

Амур поднял руку, дав знак бойцу не вмешиваться.

– Говори!

– Почему ты несчастен? – повторил вопрошающий.

– Ошибаешься, я вполне счастлив. Как твоё имя?

– Бурей, – коротко ответил пленник.

– Бурей, мы пришли из далёкой страны – Красное Солнце! Может, слышали? Мы несём свет в ваши земли и завет наших предков, наказавших построить великую и могучую империю! Ваши дикие земли скоро станут частью могущественного государства, которому не будут страшны никакие враги...

– Почему так говоришь, император? Ведь вы пришли с болью, чтобы посеять эту боль здесь! Но пойми, что унесёте ещё большую боль и собирать начнёте её уже сейчас! Ты говоришь, что счастлив, но разве может счастливый человек нести несчастье? Я хочу, чтобы ты, император, был счастлив! – пленник опустил голову, уткнулся взглядом в землю и замолчал.

Амур задумался, его распирало от злобы, но он держался, чтобы не сорваться. Возможно, их правители жестоки и тогда не составит труда поставить их в свою армию. Всегда, во всех странах, которые довелось покорить Амуру, он встречался с ненавистью народа к своим правителям.

– Брат, почему ты терпишь этого безумца, плюющего тебе в лицо?

– Успокойся, Тариман, они просто не поняли ещё...

– Что они должны понять? Что все они сумасшедшие? Они даже не защищали дом свой, у них нет оружия!

– Может быть им это запрещено? Много ли ты видел оружия в наших краях у простого народа? На то есть армия! Тариман, займись своими делами! – гневно посмотрел император на брата.

Командир драконов резко развернулся и быстро удалился, бурча себе под нос проклятия.

Немного поразмышляв, Амур направился вслед за братом.

– Брат, да они ведут себя как безумцы, – продолжил настаивать на своём Тариман, когда император подошёл к обрывистому берегу, на котором тот стоял.

– Тариман, скажи мне, разве смогли бы безумцы построить подобное? – Амур кивнул на огромный дом, стоявший неподалёку. – Здесь всё не так просто. Они странные, но не похожи на дикарей, коих нам доводилось встречать. Никогда не недооценивай противника! В его безумстве, как тебе кажется, может скрываться коварство, которое обернётся в итоге против тебя, если так будешь рассуждать. Ты с каждым днём удивляешь меня. Что тревожит тебя? Мы ведь с детства вместе, но лишь сейчас ты проявляешь неуважение ко мне, которое я терплю, справедливо полагая, что ты просто устал. А не безумец ли ты?!

– Нет, Амур, я не безумец. Ты ведь сам сказал, что под безумством может скрываться коварство, но так и не понял, что время твоё вышло, брат! Ты уже не тот. Ты слаб, Амур, и империя, оставшись под твоим руководством, умрёт!

Амур не верил своим ушам. Сказанное братом, ввело его в замешательство. Император встряхнул головой, где-то в глубине души он надеялся, что ему послышалось.

Тариман вдруг быстро стал пятиться назад. И тут Амур всё понял. Может быть поздно, но понял. Император краем глаза уловил движение в кустах неподалёку, повернулся, затем

услышал слабый короткий свист. Грудь пронзила острая боль, ноги перестали слушаться. Правитель медленно опустился на колени.

– Император убит! – тут же послышался крик над ухом.

– Вот и всё... – Тариман склонился над братом и, ухватившись за стрелу, стал медленно проворачивать её в теле. – Империей должен править сильнейший, а ты стал слаб, согласишься. Твоё безволие тебя же и наказало! Ты потерял хватку, тебе всегда доставалось самое лучшее! Тебе доставались все почести и заслуги в победах, хотя все эти победы были одержаны благодаря мне, правда!? – Командир драконов истерично усмехнулся и ещё сильнее надавил на стрелу. Из горла императора вырвался слабый крик.

– Великий император убит! Скорее сюда! – продолжал кричать Тариман, делая вид, что пытается как-то помочь.

Первым прибежал генерал Дэлун и растерянно уставился на умирающего правителя.

– Что, смотришь? Стрелять разучился? Ведь говорил же, чтобы прямо в сердце! – гневно посмотрел Тариман на командира лучников. – За тебя приходится всё доделывать, – с этими словами он ещё раз провернул стрелу.

Солдаты, сновавшие неподалёку, тут же бросились к берегу.

Амур понимал, что ещё несколько мгновений, и родной брат доведёт дело до конца, вывернув четырёхгранным наконечником все его внутренности. Он на мгновение смирился со своей участью, но обида от предательства не давала разуму сдаться. Император обмяк, упал на спину, а затем что было сил, оттолкнул Таримана от себя ногой. Обломал торчащее древко стрелы, перевалился на бок, затем на живот, на спину и, свалившись с обрыва, полетел в реку....

Осенние воды всей своей мощью окутали тело, обжигая холодом и, закружив водоворотам, потащили в бездну. Это последнее, что почувствовал бывший правитель страны Красного Солнца.

Глава 6

– Великие воины, великой империи! Многие из вас были свидетелями подлого убийства нашего императора! К большой скорби, тело его унесли эти холодные воды. Здесь всё источает злобу! – Оратор сидел верхом на вороном коне и неспешно проезжался по берегу, вдоль строя солдат.

– Эти дикие Гарийцы пособники злых сил, услужники демонов, мало того, что убили нашего правителя, но они ещё и заставили его разум обезуметь. Многие из вас видели, как великий Амур перед смертью потерял рассудок и не признал меня, своего брата кровного. Мы все будем оплакивать, тебя и, ты останешься в нашей памяти брат мне и всем нам император! – с последними словами, Тариман посмотрел на небо и протянул руки вверх.

– Отомстим за отца нашего, света во тьме, могущественного Амура! Повинные в его смерти, не достойны ходить по земле, по которой ступал он! За императора!

– За императора! – по стройным рядам войска, оглушительной волной прокатился клич.

– Дэлун! – еле слышно, обратился оратор к командиру лучников.

– Да, Тариман!

– Казнить всех! – он кивнул в сторону оцепления, за периметром которого сидели связанные пленники.

Дэлун замешкался на мгновение, было видно, что он слегка растерян. На его памяти, они никогда не казнили пленных без особой необходимости. Жёстко и жестоко захватывали, но без причины не убивали. Кто выживал после боя, уводили в рабство, но не устраивали казней.

– Ты не понял, что я сказал, Дэлун? Они убили нашего императора, или ты хочешь взять их вину на себя!?

– Понял, Тариман! – тут же согласился генерал и, подстегнув лошадь, направился в сторону пленников.

– Не делай этого!

Командир драконов повернул голову. Рядом стоял Сибур и с нескрываемой злобой смотрел на вновь испечённого императора.

– Советую тебе, Сибур, пока не поздно, присягнуть мне, как единственному и возможному наследнику трона, иначе судьба твоя незавидна...

– Подтверждения смерти Амура никто не видел, возможно, он жив, нужно отправить на поиски бойцов, обследовать берега.

– Поверь, Сибур, он мёртв! Я находился в тот момент рядом и видел, как он, сделав последний глоток воздух, не вздохнул более ни разу.

– Как ты это мог наблюдать, когда император, ещё будучи живым, упал в воду? Не твоих ли это рук дело!?

Тариман побагровел, взгляд его налился злобой. Он еле сдерживался, чтобы не ответить наглому генералу, но прекрасно понимал, что положение его было слишком шатким на данный момент, и постарался сохранить самообладание.

– Нет, Сибур, я не настолько глуп и бессердечен, чтобы желать смерти своему брату! Так что не ошибись в своих речах и хорошо думай, прежде чем произносить что-то! – сквозь зубы выпалил он.

– Это ты, Тариман, смотри не ошибись...

Со стороны оцепления послышались крики. Солдаты, обнажив мечи, неторопливо, со знанием дела, рубили шеи пленникам.

– Стоять! – закричал Сибур и бросился к оцеплению.

Тариман понял, что его власть висит на волоске и пришпорил коня. Быстро нагнав генерала, он вытащил ногу из стремени и выставив её вперёд, сбил того с ног ударив в спину. Сибур полетел на землю. Крутанувшись вокруг себя и снова поднявшись на ноги, вытащил меч.

Стройное войско вдруг рассыпалось и три отряда, один конный и два пеших, сорвались с места, бросившись к своему командиру. Вслед за ними, из строя отделились ещё несколько пеших отрядов и тоже бросились в сторону завязавшейся потасовки.

Тариман обернулся на топот. Положение становилось катастрофическим и грозило перерасти в крупномасштабное побоище.

– У тебя пока нет никакой власти, Тариман, так что, как я уже говорил – не ошибись, – процедил сквозь зубы Сибур, держа обеими руками меч и потихоньку пятясь назад, оттесняемый лошадьё.

– Стоять! – закричал, Сибур, когда небольшой отряд кавалерии подоспел к месту потасовки.

– Слушайте сюда все! – закричал Тариман. – По законам империи и по праву наследования, теперь я обязан вступить на место погибшего брата, пока не прибудем в Красное Солнце и пока я не приму власть по праву! Вы! – он выставил руку в сторону маленькой кавалерии, стоявшей за спиной Сибура, – Кому вы служите?!

Солдаты, молча топтались верхом на лошадях за спиной своего генерала, все еще продолжавшего держать меч в руках.

– Ты кому служишь воин?! – указал Тариман на одного из бойцов.

– Императору и расцвету великой империи! – ответил тот не задумываясь.

– А где твой император?

– Погиб?! – неуверенно ответил боец

– Верно, погиб, и за него мы должны отомстить! Я теперь являюсь вашим императором и командиром, запомните это! Всё по закону и по праву! А кто не согласен, может сказать об этом прямо сейчас.

– Он прав, – повернулся Сибур, к своим бойцам и убрал меч в ножны. – Теперь он, наш император, – с ноткой злобы, сказал генерал.

Солдаты, выделенные для немедленной казни пленных, уже почти закончили и вскоре, последнее тело, содрогаясь в конвульсиях, лежало на земле.

Дома Гарийцев, по приказу Таримана, было велено сжечь, а перед этим, обыскать и забрать всё ценное и съестное. К вечеру следующего дня, в округе стоял едкий запах пожарищ. От домов остались лишь обугленные брёвна, которые кое-где продолжали тлеть.

Тариман стоял у входа в шатёр, любовался надвигающимся закатом и чувствовал себя настоящим правителем всей земли. Теперь ему ни перед кем не нужно было преклоняться, унижаться и отчитываться за каждый свой шаг. Он сам всему хозяин... Новоиспечённый император с гордостью смотрел на армию, расположившуюся на ночлег, и эйфория охватывала разум. По всей округе, во всевозможных местах были выставлены часовые. Три сотни бойцов ушло на полное оцепление местности и еще столько же на патрулирование более отдалённых участков. Тариман знал своё дело и, несмотря на то, что сейчас пребывал в мечтах о безграничной власти, которая вот уже близко, бдительности всё же не терял. Не зря он был командиром драконов – элиты империи! Эти подразделения, являлись самой мощной, хитрой и хорошо обученной частью армии. Они вели разведку, планировали захваты и, внедряясь в стан противника, устраивали внутренние перевороты, что неоднократно делал и сам Тариман в молодости, совершенствуя свой опыт. Единственное о чём он жалел, так о том, что не додумался совершить переворот внутри собственной страны. Убийство брата, было по большей части спонтанным решением, к которому Тариман пришёл после того, как Амур стал себя странно вести, когда в его действиях стала проявляться мягкотелость. Последней каплей стал безымянный пленник. Тариман наблюдал и видел, что император растерян и это страшно раздражало командира дра-

конов. Теперь же, Тариман удивлялся над собой – почему он раньше не сделал подобное? Ведь всю жизнь его учили с хитростью побеждать врагов. Видать всё же сказалось жёсткое воспитание отца, который вдалбливал в умы своих сыновей с детства, кто и на каком месте должен быть в жизни. И вот, наконец, он сам пришёл к выводу, что всё может быть иначе...

– Тариман? – отвлѣк вдруг голос из раздумий.

Император обернулся на голос. Сибур стоял в двух шагах. Через мгновение подбежали несколько бойцов с обнажённым оружием.

– Что, опасаясь, что я поступлю с тобой так же, как ты со своим братом? – усмехнулся Сибур и кивнул на солдат.

– Нет, Сибур, но знаешь ли, жизнь штука сложная и ты уже поднял однажды на меня свой меч, и запомни – я брата не убивал! И обращай к своему императору, как подобает! Так что ты хотел?

– Хотел спросить – зачем ты сжёг все дома? Зима скоро придѣт в эти края....

– Ты недооцениваешь своего правителя, Сибур. Забыл, кем я являюсь?! Мои драконы наткнулись на Гарийское селение, втрое больше этого и всего в нескольких днях пути. А здесь зло живѣт. Демоны облюбовали этот край, и только огонь очистит всё от скверны!

– Ты действительно считаешь, что здесь жили демоны, Тариман? Если это и так, то не тебе их бояться, ведь ни один из них не смог воспротивиться, когда их резали.

– А не хочешь ли ты сказать, генерал, что оплакиваешь дикарей, сгубивших моего брата и твоего императора?!

– Мы оба знаем, кто это сделал, Тариман! – со злобой в голосе, закричал генерал.

Тариман часто задышал, разум мгновенно наполнился ненавистью. Он еле сдерживался, чтобы не приказать стоявшим рядом воинам, разрубить на мелкие кусочки неугодного генерала, но он понимал, что пусть и малая часть войска, но всё ещё была на стороне Сибура и новому императору не особо доверяет. Просто так, без веской на то причины, генерала, пока имеющего какую-то власть, трогать не стоит, но он обязательно что-то придумает рано или поздно.

Со стороны леса вдруг послышался сильный крик. Все тут же обернулись и увидели солдата, бежавшего от кромки леса в сторону лагеря, а за ним по пятам следовал огромный медведь. Бойцы, находившиеся неподалѣку, бросились товарищу на помощь. Кто-то расчехлял луки, кто-то бежал с копьѣм. Расстояние между медведем и человеком быстро сокращалось. Когда последний понял, что скрыться не удастся, он резко остановился и, обнажив меч, развернулся в сторону преследователя, но даже в руках с грозным оружием, человек оказался бессилен что-либо сделать. Зверь в два огромных прыжка настиг солдата и мощным ударом лапы, свернул жертве шею. Тело тут же рухнуло на землю. Медведь, разинув пасть, ухватил его за голову и одним рывком оторвал от туловища. Немного потрепав, швырнул её на землю.

Спешащие на помощь, были уже совсем близко. Тогда медведь развернулся им навстречу, встал на задние лапы и мощный рѣв зверя разлетелся по округе, леденя кровь в жилах. В тело медведя тут же полетели стрелы и копья. Раненый зверь заревел ещё сильнее и бросился на людей, раскидывая их в разные стороны, безжалостно разрывая плоть. Из лагеря, на помощь уже бежали несколько десятков солдат и вдруг к рѣву раненого зверя, добавился многоголосый вой волков. Затем он внезапно стих и из леса вынырнула огромная серая стая. На мгновение, замешкавшись и озираясь по сторонам, они сорвались с места, направившись в сторону лагеря. Некоторые из них тут же с визгом падали, пораженные стрелами, остальные продолжали свой бег несмотря ни на что.

Погода резко переменилась и безоблачное вечернее небо, покрылось огромными тучами, налетевшими внезапно. В сумраке началась неразбериха. Воины страны Красного Солнца были готовы ко встрече с любым противником и в любое время дня и ночи, но ко встрече с человеком, а не зверем....

Погибая, волки старались как можно больше оставить ран на теле человека, или вовсе убить. Некоторым серым обитателям здешних лесов везло и их пасти смыкались мёртвой хваткой на шее жертвы, не оставляя ни малейшего шанса на жизнь. Вскоре дремучий лес выпустил на охоту двух тигров. Они молча вылетели из чащи, в одно мгновение оценив обстановку, бросились на ближайших солдат, мощными ударами лап ломая кости. Изворотливые тела зверей, легко уходили от ударов мечей, в ответ, с ненавистью разрывая мягкую плоть человека....

Как бы ни был страшен зверь, но человека всё равно не победить, это наверняка понимал и зверь, оставалось только догадываться, с какой целью он шёл на свою гибель? С последним рыком, вырвавшимся из горла последнего погибающего зверя, всё стихло. Битва была окончена. Солдаты бегали по местам только что состоявшейся битвы и собирали раненых, быстро унося их в центр лагеря, где полковые лекари уже хлопотали над ранами пострадавших бойцов.

– Смотри, генерал, смотри!– Кричал Тариман, обходя место битвы.– Ну и кто из нас прав?! Здесь всё пропитано злом и не будь у тебя впереди этих отважных воинов, лежать тебе, Сибур, с разорванной глоткой, а то и растерзанным на куски!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.